

Леонардо
да Винчи

**Сказки,
Легенды,
Пьесы**

Леонардо да Винчи

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПРИТЧИ

ПЕРЕСКАЗАЛ С ИТАЛЬЯНСКОГО А. МАХОВ
Издание исправленное и дополненное

До сих пор в итальянских деревнях детям, рассказывают сказки, давно ставшие народными, и многим невдомек, что когда-то сочинил их сам Леонардо да Винчи, чье имя звучит для всех нас как легенда. Лет пятнадцать назад леонардовские сказки и легенды, разбросанные по его различным «кодексам», собрало воедино и впервые опубликовало старейшее флорентийское издательство «Джунти». Главный герой книги – природа с ее мудрыми законами, по которым «всяк должен заниматься своим делом», и в этой мудрости – высшая справедливость жизни.

А. Махов

ЛЕОНАРДО – СКАЗОЧНИК

Прекрасный и вечно юный, как весна, мир сказки одинаково чарует и детей, и взрослых, а в лице добрых мудрых сказочников мы обретаем верных друзей. С одним из них мы знакомимся впервые. Слава о нем гремит в веках, хотя не сказки принесли ему всемирную известность.

Со школьной скамьи мы произносим с величайшим уважением имя Леонардо да Винчи, ставшее легендарным. Многие века отделяют нас от

времени, в которое жил и творил великий итальянец. О нем мы судим по книгам и фильмам, посвященным его жизни, и, конечно же, по немногим дошедшим до нас бессмертным творениям, которые можно пересчитать по пальцам, равно как и музеи, где хранятся эти бесценные сокровища, являющиеся достоянием и гордостью всего человечества. Однажды кто-то сказал, что перед леонардовскими картинами особенно легко дышится. И с этими словами согласится каждый из нас, кому хоть раз посчастливилось побывать в Ленинградском Эрмитаже и молча постоять в просторном зале перед двумя леонардовскими мадоннами. Хотя эти небольшие по размеру картины написаны на религиозный сюжет, они поражают лучезарным мировосприятием и глубоким человеческим содержанием.

Но при чем же здесь сказки? Таким недоуменным вопросом вправе задаться любой читатель, берущий в руки эту книгу. Появись подобная книга при жизни Леонардо, она не вызвала бы никакого удивления у его современников, ибо они хорошо знали, что прославленный художник мог по-детски самозабвенно увлекаться вымыслом, был неистощимым на выдумки фантазером и занимательным рассказчиком. Сочиненные им притчи и сказки принесли ему при жизни не меньшую известность, чем картины. Он был желанным гостем и интереснейшим собеседником как для простолюдинов, так и для знати. Люди жадно ловили каждое слово, а рассказанные им занимательные истории передавались из уст в уста и переходили по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. До сих пор еще в итальянских деревнях в ходу некоторые сказки, давно ставшие народными, и многим невдомек, что когда-то они были сочинены самим Леонардо да Винчи.

Обо всем этом мир узнал сравнительно недавно. И хотя время жестоко обошлось с памятью о великом творце, не оставив потомкам даже места его захоронения, но в огне нескончаемых войн и пожарищ чудом уцелели бесценные леонардовские манускрипты. К настоящему времени рассеянное по всему свету богатейшее рукописное наследие Леонардо собрано воедино. Отметим кстати, что одним из первых собирателей и издателей леонардовских рукописей был замечательный русский книголюб Ф.В.Сабашников, которого благодарные земляки великого итальянца избрали почетным гражданином города Винчи.

Рукописное наследие Леонардо насчитывает свыше семи тысяч листов, исписанных мелким, убористым почерком. Теперь нам доподлинно известно, что прославленный мастер всю жизнь вел записи. Нет, это не был дневник в привычном понимании слова, тем более что автор почти не говорит о самом себе. Дошедшие до нас рукописи скорее всего представляют собой отражение колоссальной работы, проделанной пытливым умом, никогда не знавшим покоя. «Как железо ржавеет, не находя себе применения,— читаем мы в этих записях,— как стоячая вода гниет, так и ум человека чахнет от лени и бездействия».

Леонардо да Винчи ревностно оберегал записанные им мысли, наблюдения и заметки от постороннего глаза, и, видимо, у него были на то веские причины, о которых можно только догадываться. Он даже придумал особую систему тайнописи, нередко вписывая одну строчку в другую и

широко применяя замысловатые графические знаки и символы. Как правило, писал он справа налево, так что написанное можно читать только с помощью зеркала. Не одно поколение исследователей кропотливо разбирает и внимательно вчитывается в зашифрованные рукописи, раскрывая все новые стороны многогранной и поистине фантастической по широте интересов деятельности этого гения. Недаром Энгельс назвал Леонардо одним из первых титанов эпохи Возрождения с ее неутомимой жаждой познания и сознательного овладения миром. Само имя Леонардо да Винчи стало синонимом универсальности человеческого гения.

Леонардо да Винчи родился 15 апреля 1452 года в небольшом тосканском городке Винчи, затеряншемся среди западных отрогов Апеннинских гор. Его отец был состоятельным нотариусом, а мать – простой крестьянкой. Редкая одаренность красивого большелобого мальчика, увлекавшегося рисованием, лепкой, музыкой, математикой, поражала всю округу, и местные крестьяне не раз обращались к мессеру Пьеро да Винчи с просьбой, чтобы его сын нарисовал им что-нибудь. В Леонардо рано пробудилась тяга к природе. Часто, забыв шумные мальчишеские забавы, он без устали бродил по окрестным лугам и лесам, лазил по горам, вслушиваясь в незнакомые голоса земли и стараясь разгадать тайну жизни камней, растений и животных. Уже с детских лет он понял, сколь круты ступени, ведущие к истине, и как бесконечно сама лестница знаний. «Мудрость – дочь опыта», – любил он повторять, а позднее в своей записной книжке, с которой никогда не расставался, сделал такую запись: «Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. Помни, что пищей старости является мудрость, и пока молод, действуй так, чтобы не оставить свою старость голодной».

В возрасте 10–11 лет он переезжает с отцом во Флоренцию, которая в ту пору славилась не только бурно развивающейся промышленностью, ремеслами, банковским делом и торговлей, но и была одним из передовых центров мировой культуры. Этот славный город, привольно раскинувшийся на зеленых холмах по обоим берегам Арно, поразил юного Леонардо своей строгой красотой, величием дворцов и храмов, шумом многоголосых площадей, тенистой зеленью садов и парков. Перед его изумленным взором открылся мир творчества и дерзновенного полета мысли. Он навсегда сохранит нежную привязанность к Флоренции и будет с гордостью подписывать свои работы: «Леонардо, флорентиец», как бы подчеркивая преемственность и верность традициям великой флорентийской культуры.

Отец пристроил мальчика на ученье к своему другу Верроккио, известному живописцу и скульптору. Его мастерская по праву считалась в городе лучшей художественной школой, откуда вышло немало даровитых мастеров. Знаменитый художник высоко оценил выдающиеся способности ученика и однажды даже поручил ему дописать свою картину «Крещение Христа», хранимую ныне во флорентийской галерее Уффици. Юный художник изобразил слева на переднем плане коленапреклоненного златокудрого юношу в образе ангела. Уже в этой фигуре угадывается то новое, что со временем Леонардо внесет в мировую живопись, – поэтичность

и гармонию. Если верить биографам, когда Верроккио увидел работу ученика, он был настолько потрясен совершенством исполнения, что дал себе зарок никогда не братья за кисть.

Но не только живопись владела думами и сердцем Леонардо, хотя уже в 1480 году он имел собственную мастерскую и от заказчиков не было отбоя. В эти годы он близко сошелся со многими флорентийскими учеными. Особенно тесная дружба связывала его с математиком и механиком Даль Поц-цо Тосканелли, который накануне первой экспедиции Колумба обратился к нему с письмом, изложив свои взгляды и научные расчеты, подтверждавшие существование неведомых земель на Западе.

Завоевав всеобщее признание своим искусством и обрета завидную независимость, Леонардо с головой ушел в науку. Он отбросил как неприемлемый многовековой опыт ученых средневековья, утративших веру в реальный, осязаемый мир, и пошел своим, неторным, путем. Трудно перечислить естественные и точные науки, история развития которых не была бы связана с его именем, где бы он не сказал новое слово или не высказал смелые догадки, подтвержденные впоследствии другими выдающимися умами. Математика и механика, физика и астрономия, химия и геология, география и ботаника, анатомия и физиология – все это в равной степени интересовало его пронзительный ум. Он мечтал о создании грандиозной энциклопедической системы «Вещей природы», которая охватывала бы все мироздание. Однако эта задача оказалась непосильной даже такому титану, каким был Леонардо да Винчи, хотя сам он признавал, что «ни одна работа не могла меня утомить, ибо сама природа сотворила меня таковым». При жизни ему удалось систематизировать богатейший материал лишь по отдельным областям знания.

Леонардо да Винчи пробовал свои силы в архитектуре, разрабатывая смелые градостроительные планы; он работал над усовершенствованием прялки, токарного станка и других механизмов. Будучи в Венеции, он заинтересовался идеей создания подводной лодки и был близок к ее осуществлению. Однако отказался обнародовать свой проект, опасаясь, что изобретение могло быть использовано во вред людям.

Этот величайший ум не ограничивался пределами земли, его манили просторы Вселенной. Леонардо внимательно изучал законы полета птиц, написал об этом специальный трактат и оставил чертежи изобретенного им воздухоплавательного аппарата. Не случайно перед зданием международного римского аэропорта Фьюмичино высится величественная фигура Леонардо да Винчи – первого изобретателя, приступившего к практическому осуществлению вековой мечты человека о полете.

Правда, сам Леонардо порой довольно скромно оценивал значение своих поисков: «...я уподобляюсь тому, кто по своей бедности явился на ярмарку последним, когда все лучшее уже разобрано, а оставшиеся товары всеми перепробованы и отвергнуты за ненужность. Но я соберу эти крохи, положу в котомку и пойду бродить по бедным деревушкам». С годами его «котомка» пополнялась все новыми сокровищами, а он настойчиво

продолжал свой путь с непосильной ношей на плечах, мечтая сделать человека свободным и счастливым.

Как ни велика была его слава живописца, творца и эрудита, Леонардо упорно совершенствовал свои знания и не мыслил себе жизнь без постоянного поиска, считая, что «всяк берущийся за дело без должных знаний подобен моряку, отправляющемуся в плавание без руля и компаса».

Современники с неодобрением относились к его научным занятиям, считая их прихотью, и корили мастера за «забвение» интересов живописи. Но это было не отступничество, а глубоко осознанная потребность поверить «алгеброй гармонию», чтобы вдохнуть новую жизнь в искусство и обогатить его более совершенными выразительными средствами. Так, изучая оптику и законы отражения и преломления света, Леонардо освоил мягкую живописную манеру, основанную на сопоставлении приглушенных тонов, разработал метод так называемой «дымчатой светотени», придавший неповторимую поэтичность и гармонию таким его шедеврам, как «Джоконда» и «Мадонна в скалах». «Наукой живописи» называл он свое дело, подчеркивая тем самым объективный характер воспроизведения действительности в своих картинах.

Но для современников многое в этом человеке оставалось непостижимым и таинственным, как загадочная улыбка на устах его Джоконды, ставшая знаменем времени. Добавим, что эта улыбка, породившая немало догадок и предположений, удивительно напоминает его собственную улыбку на туринском автопортрете позднего периода. Как никто другой, Леонардо сумел в жизни подметить и оценить то, что не видели остальные, а в своих художественных творениях передал такое разнообразие душевных состояний, что даже самое смелое воображение нередко становилось в тупик перед его загадками.

Сам Леонардо никогда не подавлял окружающих превосходством ума и охотно делился опытом и знаниями, будучи по натуре щедрым и великодушным. Он был удивительно тактичен и мягок в обращении, терпим к недостаткам и умел прощать обиды, хотя порою и страдал от них. Как к чародею и волшебнику люди тянулись к нему, пораженные и восхищенные величием и красотой его духа. Он и сам был поистине красив – статен, высок ростом; лицо с правильными чертами обрамляла вьющаяся русая борода. Стоило ему появиться на улице в сопровождении неизменной свиты учеников и поклонников, как люди высыпали из домов, чтобы поближе разглядеть великого человека. Он был предметом такого поклонения, что многие подражали покрою его платья, походке, манере говорить. От природы Леонардо был наделен богатырской силой и без труда гнул подковы и железные прутья. Ему не было равных в фехтовании, а как наездник он мог усмирить любого норовистого скакуна. Он превосходно играл на лютне и в кругу друзей любил импровизировать, подбирая музыку к своим сонетам и мадригалам, которые, к сожалению, не сохранились. Стоило ему заговорить, как все разом умолкали, прислушиваясь к его чарующему голосу. Видимо, его недаром звали сладкоголосым Орфеем. К

нему вполне применимы вдохновенные строки, сочиненные его младшим современником и собратом по искусству Микеланджело Буонарроти:

Ему отпущено природою с лихвой.
 Одним лишь взглядом всю округу поражает,
 След восхищенья оставляя за собой.
 Ему отпущено сполна судьбой.
 Лик его дивный солнце затмевает,
 А смех и пение звучат такую чистотой,
 Что все окрест в восторге замирает.

Судьба Леонардо да Винчи, которая поначалу складывалась столь счастливо, оказалась трагичной. К исходу XV столетия над Италией нависли грозные тучи, предвестницы грядущих бед и потрясений. Заканчивалась славная история вольных городов-коммун, ставших колыбелью нового мировоззрения и свободного от религиозных пут искусства. На смену республиканскому правлению повсеместно устанавливалась власть деспотичных тиранов. После падения Константинополя в 1453 году мирное развитие торговли и ремесел в крупных итальянских городах было в значительной мере подорвано. Окончательный удар, после которого они не смогли оправиться, был нанесен открытием Нового Света, когда основные торговые пути переместились из Средиземноморья в Атлантику. Раздираемая междоусобными войнами Италия вскоре стала лакомым куском для чужеземных завоевателей.

Спасение от нахлынувших на страну бед Леонардо видел в единении народных сил. Свое убеждение и веру в народ как вершителя собственной судьбы он вдохновенно выразил в известной фресковой росписи «Тайная вечеря», созданной в трапезной при миланской церкви Санта Мариа делле Грацие. Вопреки традиционному толкованию этой сцены как благочестивого смирения великий творец и реалист гневно клеймил в ней предательство. Ему чужда была идея смиренного всепрощения в годину тяжелых испытаний и народных бедствий, когда продажные правители предавали за тридцать сребреников национальные интересы.

Идеалы Леонардо да Винчи родились на гребне великого общественного и культурного «подъема», переживаемого Италией в эпоху Возрождения. Он стремился использовать науку и искусство для созидания человеческого счастья, а ему суждено было стать свидетелем крушения самых светлых своих надежд. Полный отчаяния и боли, он вынужден был скитаться по свету в тщетных попытках найти понимание и поддержку своим грандиозным замыслам, а под конец жизни обрел пристанище на чужбине при дворе французского короля Франциска I.

Но куда бы ни бросала его судьба, Леонардо всюду оставался верен самому себе. Порою даже кажется, что не он служил своим искусством и знаниями сильным мира сего, а что все они прислуживали великому творцу, стараясь заручиться его расположением. Как ни щедры они были, Леонардо задыхался в тлетворной атмосфере дворцовых интриг, сплетен, зависти,

подобострастия. Когда ему было особенно не по себе, он уединялся, выплескивая горечь на страницах своих тетрадей.

За свои великие труды Леонардо не нажил богатств, хотя жил безбедно. Превыше всего дорожил он своей свободой и чистой совестью. Ему дорога была память прошлых лет; он ценил свои рисунки и рукописи, был очень привязан к картине «Джоконда», с которой не расставался почти до самой смерти, продолжая работать над ней в стремлении добиться классической законченности и совершенства. Из недавно обнаруженных мадридских манускриптов мы узнали, что Леонардо очень ценил и любил свою библиотеку, насчитывавшую более ста томов, которую всюду возил с собой, перечитывая в часы досуга особо чтимых авторов. К славе и богатству он был равнодушен и с презрением говорил о деньгах, которые нередко многим закрывают глаза на подлинные ценности жизни. «Как бы не был при жизни знаменит богач,— писал он,— все это бесследно исчезнет с его смертью. Куда больше славы приносят человеку ум и доблесть, нежели накопленные им сокровища... Сколько философов отвергли презренное золото, чтобы не запятнать им себя».

Как великий провидец Леонардо еще на заре XVI века понимал, какие неисчислимы бедствия и страдания несет людям мир чистогана и голого расчета. В своих «фантастических предсказаниях», звучащих ныне столь современно и актуально, он клеймит позором власть золота, и оно представляется ему в виде жестокого чудовища, которое «способно на любое преступление, злодеяние и вероломство. Оно будет натравливать людей друг против друга, сея меж ними рознь, зависть и жестокость. О, чудовищный зверь!»

Леонардо было за шестьдесят, когда он поселился в замке Клу, близ французского города Амбуаза, где была одна из королевских резиденций. Судя по позднему автопортрету, он выглядел намного старше своих лет — годы скитаний и горечи оставили свой отпечаток. Но по-прежнему светились ясностью и мудрым спокойствием его глаза. Хотя его парализовало и бездействовала правая рука, он продолжал творить.

Как и в бывалые годы, этот великий труженик вставал с первыми лучами солнца и шел к рабочему столу в просторный зал с золоченым плафоном, большим камином и высокими окнами, за которыми простирался парк и доносилось мерное бормотание Луары.

Он скончался ясным весенним днем 2 мая 1519 года. По свидетельству очевидцев, «всем своим обликом он являл подлинное олицетворение благородства знаний». Леонардо встретил последний час мужественно и величаво, словно подтверждая одну из последних записей в своих тетрадях: «Подобно тому, как разумно и дельно проведенный день одаривает нас безмятежным сном, так и честно прожитая жизнь дарит нам спокойную смерть». А мы еще раз вспомним эти слова великого человека, читая его проникновенную и преисполненную светлой грусти легенду «Лебедь».

Лет десять назад леонардовские сказки и легенды впервые увидели свет отдельным изданием, куда вошло более ста различных произведений. Примечательно, что столь ценное начинание было осуществлено старейшим

флорентийским издательством «Джунти», которое в свое время пользовалось услугами нотариальной конторы отца Леонардо – мессера Пьеро да Винчи. Сегодня и наш читатель получил возможность познакомиться с этими сочинениями.

Сказки, легенды и забавные истории, включенные в эту книгу, неравноценны. В некоторых из них авторская мысль выражена с предельной ясностью и полнотой, другие же представляют собой зарисовки с натуры, как бы являясь набросками к будущей «картине», а мы получаем счастливую возможность заглянуть в лабораторию великого творца. В целом книга дает полное представление о своеобразии Леонардо да Винчи как сказочника и рассказчика.

Его обращение к миру сказки не было случайным. Оно оправдано всем ходом его мыслей, наблюдений и целенаправленностью его интересов.

«Помню, как однажды я проснулся в своей колыбели», – пишет он в своих заметках. – Мне почудилось, что большая птица раскрыла крылом мне рот и погладила перьями по губам». Если бы эта короткая запись Леонардо не была первым воспоминанием о раннем детстве, ее можно было бы читать как заповедь к волшебной сказке. Но в нашей книге мы почти не встретим чудес и волшебства, а с традиционными сказками ее роднит лишь то, что действующие в ней герои – звери, птицы, рыбы, насекомые, растения, камни и прочие неодушевленные предметы – наделены даром речи и способностью оценивать свои и чужие поступки, которые ничем не отличаются от поступков людей.

Хотя в окружающей действительности Леонардо видел немало зла, уродства, жестокости и несправедливости, он не переносит свою горечь на мир животных. В его сказках даже хищные звери и птицы проявляют снисхождение к слабым и обездоленным. Все его симпатии неизменно на стороне тех, кто честен, скромн и трудолюбив, а уж лгунам, хвастунам и тунеядцам нет от него никакой пощады.

Рассказывая о зверях и птицах, Леонардо так точно описывает их повадки, что его с полным правом можно было бы считать одним из родоначальников этологии – науки, занимающейся изучением поведения животных. И это тоже не случайно. О его нежной привязанности к животным и особенно о любви к птицам еще при жизни ходили легенды. Например, некий Андреа Корсали в письме правителю Флоренции писал в 1515 году из Индии: «... жители этой далекой сказочной страны, подобно нашему знаменитому Леонардо, не позволяют чинить животным никакого зла». Об этом хорошо были наслышаны флорентийские мальчишки, которые несли в мастерскую к художнику заблудших собак, раненых птиц, диковинных бабочек, зная, что их всегда ждет щедрое вознаграждение. А местные птицеловы ждали, как праздника, появления Леонардо на птичьем рынке. Не торгуясь, он платил за облюбованных им пленников, томящихся в клетках, и тотчас выпускал на волю, любуясь, как птицы радостно парили в небе, обретая нежданную свободу.

Он превыше всех благ на свете ценил свободу и готов был платить за нее дорогой ценой, о чем повествует его сказка о гордом несчастном щегле или рыбах, объявивших войну неводу.

Будучи неутомимым естествоиспытателем, Леонардо воспринимал человека и окружающий мир как единое, нерасторжимое целое. Он всю жизнь вел диалог с природой, не переставая восхищаться ее мудрым устройством, целесообразностью и красотой всего живого на земле. Пытливым оком натуралиста и мыслителя он пытался раскрыть и передать в своих произведениях «гармонию разнородного», как говорили древние. И эта мысль лежит в основе многих его сказок. Он был противником всякого насилия над природой, сознавая, сколь губительны и плачевны могут оказаться для самого человека последствия подобного произвола. Такая обеспокоенность особенно ярко выражена в сказках «Лоза и крестьянин», «Кедр» и других. Веря в высокое назначение человека, Леонардо считал его ответственным за сохранение гармонии, существующей в природе. Нам особенно близки, понятны и дороги эти мысли великого творца, и мы воспринимаем его как верного союзника в наших общих усилиях по защите и сохранности окружающей среды.

Говоря о Леонардо-сказочнике, нельзя не сослаться на одно из его примечательных и драгоценных для нас откровений. Так, вспоминая годы юности, он пишет: «Однажды блуждая среди темных скал, подгоняемый жадным влечением увидеть великое смешение разнообразных причудливых форм, порожденных природой, я набрел на вход в огромную мрачную пещеру, перед которой остановился как вкопанный... Я наклонился вперед, чтобы заглянуть внутрь, но ничего, кроме тьмы кромешной, не узрел. Тогда мною овладели разом два противоречивых чувства: великая оторопь перед разверзнувшейся бездной и неодолимое желание обнаружить некое чудо в ее бездонной утробе».

Мы видим, как пыливость ума и любознательность сочетаются в Леонардо с ощущением непостижимости некоторых загадок мироздания, и тогда природа предстает его воображению в фантастических сказочных образах. Такое отношение к окружающему миру вдохновляло его не только при написании сказок, легенд и «фантастических предсказаний». Оно проявляется, и в его многочисленных рисунках, являющихся своеобразным графическим разговором с природой. Наряду с образами прекрасных юношей и девушек на этих рисунках можно увидеть целую вереницу уродливых лиц, обезображенных гримасами, крылатых драконов и чудовищ. Порою Леонардо подтрунивает над собственными ужасами, как, скажем, в сказках «Страшный зверь», «Лев и пастух», а иногда его фантазия порождает образы жестокого Василиска, бессмертного Феникса или верного и ласкового Единорога. Кстати, Рафаэль, по всей вероятности, слышал эту легенду из уст Леонардо. В римской галерее Боргезе хранится написанный им дивный портрет девушки, держащей на коленях маленького единорога как символ целомудрия и чистоты.

Сказки привлекали Леонардо своей народной мудростью, занимательностью и демократичностью. Они служили ему верным

подспорьем в неустанных поисках заветного ключика, чтобы проникнуть в загадочную «пещеру», осветить ее светом разума и раскрыть тайны, хранимые природой.

Леонардо да Винчи занимает особое место в итальянской литературе, а его сказки и легенды представляют собой яркое явление в культуре эпохи Возрождения. Сам он никогда не домогался писательских лавров, скромно считая себя человеком, «несведущим в литературе». Однако долгие годы он работал над составлением толкового словаря живого разговорного тосканского диалекта, послужившего основой итальянского литературного языка. Леонардо не прибегал к ученой латыни, чтобы излагать собственные мысли, как это было принято в то время среди эрудитов. Он высоко ценил образную крестьянскую речь и, не считаясь с орфографией, любовно записывал меткие слова и обороты.

Свои сказки Леонардо черпал из жизни – «этого великого учителя, у которого есть чему поучиться даже писателям».

Сказки, легенды, притчи

Бумага и чернила

На письменном столе стопкой лежали одинаковые листы чистой бумаги. Но однажды один из них оказался сплошь испещренным крючочками, черточками, завитками, точками... Видимо, кто-то взял перо и, обмакнув его в чернила, исписал листок словами и разрисовал рисунками. – Зачем тебе понадобилось подвергать меня такому неслыханному унижению? – в сердцах спросил опечаленный листок у стоявшей на столе чернильницы. – Твои несмыаемые чернила запятнали мою белизну и испортили бумагу навек! Кому я теперь такой буду нужен?

– Не тужи! – ласково ответила чернильница. – Тебя вовсе не хотели унижить и не запятнали, а лишь сделали нужную запись. И теперь ты уже не простой клочок бумаги, а написанное послание. Отныне ты хранишь мысль человека, и в этом твое прямое назначение и великая ценность.

Добрая чернильница оказалась права. Прибираясь как-то на письменном столе, человек увидел беспорядочно разбросанные пожелтевшие от времени листки. Он собрал их и хотел было бросить в горящий камин, как вдруг заметил тот самый «запятнанный» листок. Выбросив за ненадобностью запылившиеся бумажки, человек бережно положил исписанный листок в ящик стола, дабы сохранить как послание разума.

Кремень и огниво

Получив однажды сильный удар от огнива, кремень возмущенно спросил у обидчика:

С чего ты так набросилось на меня? Я тебя знать не знаю. Ты меня, видимо, с кем-то путаешь. Оставь, пожалуйста, мои бока в покое. Я никому

не причиняю зла. – Не сердись попусту, сосед,– с улыбкой промолвило огниво в ответ.– Если ты наберешься немного терпения, то вскоре увидишь, какое чудо я извлеку из тебя. При этих словах кремь успокоился и стал терпеливо сносить удары огнива. И наконец из него был высечен огонь, способный творить подлинные чудеса. Так терпение кремня было по заслугам вознаграждено.

Сказка сказана для тех, кто поначалу робеет в учебе. Но если запастись терпением и проявить старание, то посеянные семена знания непременно дадут добрые всходы. Ученья корень горек, да плод сладок.

Язык и зубы

Жил-был на свете мальчик, страдавший серьезным недугом, которому иногда бывают подвержены и взрослые,– он беспрестанно разговаривал, не зная меры.

– Что за наказание этот язык,– ворчали зубы.– Когда же он угомонится и помолчит немного?

– Какое вам до меня дело?– нагло отвечал язык.– Жуйте себе на здоровье и помалкивайте. Вот и весь вам сказ! Между нами нет ничего общего. Никому не позволю вступать в мои личные дела, а тем паче соваться с глупыми советами!

И мальчик продолжал без умолку болтать кстати и некстати. Язык был наверху блаженства, произнося все новые мудреные слова, хотя и не успевал хорошенько вникнуть в их смысл.

Но однажды мальчик так увлекся болтовней, что, сам того не ведая, попал впросак. Чтобы как-то выпутаться из беды, он позволил языку сказать заведомую ложь. Тогда зубы не выдержали – терпенье их лопнуло. Они разом сомкнулись и пребольно укусили завравшегося врунишку.

Язык побагровел от выступившей крови, а мальчик заплакал от стыда и боли.

С той поры язык ведет себя с опаской и осторожностью, да и мальчик, прежде чем вымолвить слово, дважды подумает.

Бритва

У одного цирюльника была бритва красоты необыкновенной, да и в работе не было ей равных. Однажды, когда посетителей в лавке не было, а хозяин куда-то отлучился, вздумалось бритве на мир поглядеть и себя показать. Выпустив острое лезвие из оправы, словно шпагу из ножен, и гордо подбоченясь, она отправилась на прогулку погожим весенним днем.

Не успела бритва перешагнуть через порог, как яркое солнце заиграло на стальном полированном лезвии, и по стенам домов весело запрыгали солнечные зайчики. Ослепленная этим невиданным зрелищем, бритва пришла в такой неописуемый восторг, что тут же непомерно возгордилась.

– Неужели после такого великолепия я должна вернуться в цирюльню?– воскликнула бритва.– Ни за что на свете! Было бы сущим безумием с моей

стороны губить свою жизнь, выскабливая намыленные щеки и подбородки неотесанных мужланов. Разве моему нежному лезвию место у брадобрея? Вовсе нет! Спрячусь-ка я от него в укромном местечке. С той поры ее и след простыл.

Шли месяцы. Наступила дождливая осень. Соскучившись в одиночестве, беглянка решила выйти из своего добровольного затворничества и подышать свежим воздухом. Она осторожно выпустила лезвие из оправы и горделиво оглянулась вокруг.

Но, о ужас! Что же стряслось? Лезвие, когда-то нежное, огрубело, став похожим на ржавую пилу, и не отражало более солнечных лучей.

– Зачем я поддалась соблазну?– горько заплакала бритва.– Как меня лелеял и холил добрый цирюльник! Как он радовался и гордился моей работой! А теперь, о боже, что со мной случилось: лезвие потемнело, зазубрилось и покрылось отвратительной ржавчиной. Я погибла и нет мне спасенья!

Печальная участь ожидает всякого, кто наделен талантом, но вместо того, чтобы развивать и совершенствовать свои способности, чрезмерно возносится и предается праздности и самолюбованию. Как и эта несчастная бритва, такой человек постепенно утрачивает ясность и остроту ума, становится косным, ленивым и обрастает ржавчиной невежества, разъедающей плоть и душу.

Пламя

В стеклодувной мастерской кипела работа, и в огромной печи огонь не утихал ни днем ни ночью. Немало прекрасных изделий создали мастера, которые своим дыханием придавали причудливую форму массе расплавленного стекла.

Однажды бушующий в печи огонь заметил оставленную кем-то из подмастерьев горящую свечу, вправленную в массивный бронзовый подсвечник. Им тотчас овладело неодолимое желание поглотить слабый огонек свечи.

И вот из-под головешки с шипеньем вырвалось синее пламя. Отпрянув в сторону от тяги в дымоходе и изловчившись, оно прорвалось сквозь узкую щель печного заслона, перекинулось на стоявшую неподалеку свечу и принялось с жадностью ее пожирать.

Ненасытное пламя в один миг поглотило хрупкую свечу.

Однако, не желая погибать вместе с ней, оно попыталось вернуться в родную стихию. Но сколько пламя ни взывало о помощи к своим братьям в горячей печи, как ни извивалось и ни корчилось в предсмертных муках, ему так и не удалось вырваться из цепких объятий растопленного воска.

Крича, плача и злобно шипя, пламя в конце концов захлебнулось, превратившись в едкий дым. А в печи еще долго весело потрескивали поленья, стреляя разноцветными искрами, и дружно плясали красные языки огня.

Луна и устрица

Устрица была по уши влюблена в луну. словно замороженная, она часами глядела влюбленными глазами на ночное светило.

Сидевший в засаде прожорливый краб заметил, что всякий раз, как из-за туч выплывает луна, раззява-устрица раскрывает створки раковины, забыв обо всем на свете. И он решил ее съесть.

Однажды ночью, едва вошла луна и устрица, по обыкновению, уставилась на нее, раскрыв рот, краб подцепил клешней камешек и, изловчившись, бросил его внутрь раковины. Любительница лунного света постаралась было захлопнуть створки перламутрового жилища, но было поздно – брошенный камешек помешал бедняжке.

Подобная участь ждет каждого, кто не умеет в тайне хранить сокровенные чувства. Глаза и уши, охочие до чужих секретов, всегда найдутся.

Паук в замочной скважине

Обследовав весь дом внутри и снаружи, паук облюбовал себе местечко в замочной скважине.

Какое удобное и надежное убежище! Никто не сможет обнаружить здесь паука. А он, высунувшись из укрытия, будет преспокойно наблюдать за всем происходящим, не подвергая себя никакому риску.

– У каменного порога натяну паутину для мух,– принялся рассуждать довольный паук.– На ступеньках лестницы будет другая, покрепче,– для жирных гусениц, а между дверными створками устрою хитрую ловушку для комаров...

Паук был вне себя от счастья и радужных надежд. Замочная скважина, вся обитая железом, казалась ему неприступной крепостью, и более безопасного пристанища он еще в жизни не видывал.

Пока паук предавался мечтам и строил заманчивые планы на будущее, его тонкий слух уловил шум приближающихся шагов. Будучи по натуре осторожным, он тут же уполз в глубь своего убежища.

Вернувшийся домой хозяин звякнул связкой ключей, вставил один из них в замочную скважину и... раздавил мечтателя.

Вода

Вода весело плескалась в родной морской стихии. Но однажды ей взбрела в голову шальная мысль добраться до самого неба.

Она обратилась за помощью к огню. Своим обжигающим пламенем он превратил воду в мельчайшие капельки теплого пара, которые оказались гораздо легче воздуха.

Пар тотчас устремился вверх, поднимаясь в самые высокие и холодные слои воздуха.

Оказавшись в заоблачной выси, капельки пара окоченели так, что у них зуб на зуб не попадал от холода. Чтобы как-то согреться, они теснее

прижались друг к другу, но, став намного тяжелее воздуха, тут же попадали на землю в виде обычного дождя.

Заболев тщеславием, вода вознеслась к небу, но была изгнана оттуда. Жаждающая земля поглотила дождь до единой капли. И воде еще долго пришлось отбывать наказание в почве, прежде чем она смогла возвратиться в морские просторы.

Крот

Крот любил бродить по прохладным подземным ходам, которые прорыли и вычистили его родители и деды. Он взбирался на верхние галереи и спускался вниз, где находились кладовые с запасами съестного впрок.

Обследуя свои владения и богатства, он обнаружил однажды незнакомый лаз и решил узнать, куда он ведет.

– Остановись!– послышался предостерегающий голос. – Этот путь опасен!

Но движимый любопытством, крот полз все выше и выше, и наконец, раскидав лапами землю, увидел голубую-преголубую бездну, открывшуюся перед ним. Но это было последнее, что бедняга увидел в жизни. Яркий луч солнца ударил в подслеповатые глаза-щелочки и ослепил крота.

Вот так же и ложь может жить припеваючи, только хоронясь в укрытии. Едва она появляется на свет, как тотчас умирает, ослепленная правдой.

Гусеница

Прилипнув к листочку, гусеница с интересом наблюдала, как насекомые пели, прыгали, скакали, бегали наперегонки, летали... Все вокруг было в постоянном движении. И лишь одной ей, бедняге, отказано было в голосе и не дано ни бегать, ни летать.

С превеликим трудом она могла только ползать. И пока гусеница неуклюже перебиралась с одного листка на другой, ей казалось, что она совершает кругосветное путешествие.

И все же она не сетовала на судьбу и никому не завидовала, сознавая, что каждый должен заниматься своим делом. Вот и ей, гусенице, предстояло научиться ткать тонкие шелковые нити, чтобы из них свить для себя прочный домик-кокон.

Без лишних рассуждений гусеница старательно принялась за работу и к нужному сроку оказалась укутанной с ног до головы в теплый кокон.

– А дальше что? – спросила она, отрезанная в своем укрытии от остального мира.

– Всею свой черед!– послышалось ей в ответ.– Наберись немного терпения, а там увидишь.

Когда настала пора и она очнулась, то уже не была прежней неповоротливой гусеницей. Ловко высвободившись из кокона, она с удивлением заметила, что у нее отросли легкие крылышки, щедро

раскрашенные в яркие цвета. Весело взмахнув ими, она, словно пушок, вспорхнула с листка и полетела, растворившись в голубой дымке.

Справедливость

Нет на свете справедливости! – жалобно пропищала мышь, чудом вырвавшись из когтей ласки.

– Доколе же неправду терпеть! – возмущенно крикнула ласка, едва успев спрятаться в узкое дупло от кошки.

– Житья нет от произвола! – промяукала кошка, прыгнув на высокий забор и с опаской поглядывая на брешущего внизу дворового пса.

– Успокойтесь, друзья! – сказала мудрая сова, сидевшая в клетке на крестьянском дворе. – В ваших сетованиях на жизнь есть доля истины. Но разве справедливость принадлежит по праву кому-то одному из вас?

При этих словах мышь выглянула из норы, ласка высунула носик из дупла, кошка поудобнее устроилась на заборе, а пес присел на задние лапы.

– Справедливость, – продолжала сова, – это высший закон природы, по которому между всеми живущими на земле устанавливается разумное согласие. По этому мудрому закону живут все звери, птицы, рыбы и даже насекомые. Посмотрите, как дружно живет и трудится пчелиный рой.

Сова действительно была права. Кому хоть раз приводилось видеть улей, тот знает, что там безраздельно властвует пчелиная матка, распоряжаясь всем и всеми с величайшим умом и справедливо распределяя обязанности между членами многочисленной пчелиной семьи. У одних пчел основная забота – сбор нектара с цветов, у других – работа в сотах; одни охраняют улей, отгоняя назойливых ос и шмелей, другие заботятся о поддержании чистоты. Есть пчелы, коим надлежит ухаживать за маткой, не отходя от нее ни на шаг. Когда повелительница состарится, самые сильные пчелы бережно носят ее на себе, а наиболее опытные и знающие врачуют всякими снадобьями. И если хоть одна пчела нарушит свой долг, ее ждет неминуемая кара.

В природе все мудро и продумано, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни.

Мотылек и пламя

Порхая в вечерних сумерках и наслаждаясь прохладой, нарядный мотылек вдруг заметил мерцающий вдали огонек. Он тотчас направился к освещенному месту, а когда оказался рядом, стал летать вокруг горящего на окне ночника, с удивлением разглядывая его. Как же красив этот незнакомец!

Налюбовавшись вдоволь, мотылек решил поближе познакомиться с ярким огоньком и поиграть с ним, как обычно забавлялся в саду с цветами, раскачиваясь на их венчиках, словно на качелях. Отлетев немного в сторону, он сделал крутой разворот и пролетел, почти касаясь желтого язычка пламени и как бы приглашая его к игре.

Но что-то больно кольнуло его и подбросило вверх. Присев на подоконник у ночника, мотылек в изумлении обнаружил, что потерял одну лапку и подпалил края крылышек.

– Как же могло такое стрястись?– в недоумении спрашивал себя мотылек и не находил ответа. Он никак не мог допустить, чтобы такой дивный безобидный огонек способен был причинить ему зло. Придя немного в себя от потрясения, мотылек вновь расправил крылышки и вспорхнул.

Сделав несколько кругов над горящим ночником, он спокойно полетел прямо на пламя, желая покачаться на нем, но тут же упал в масло, коим питался коварный огонек.

– Какой же ты жестокий,– промолвил мотылек, теряя силы.– Я надеялся найти в тебе друга, а обрел гибель. Слишком поздно я осознал, как ты зол и опасен! Дорого мне обошлась моя наивность...

– Бедный мотылек! – ответил ему опечаленный ночник.– Моя ли вина, что я не цветок, а пламя. Ты не внял моему предупреждению и стал играть со мной.

Лилия

На зеленом берегу реки Тичино, что течет по полям и лугам Ломбардии, выросла прекрасная лилия. Все остальные полевые цветы почтительно склонялись, стараясь даже тенью не задеть ее великолепие. А она, стройно взметнувшись ввысь и радостно покачиваясь на ветру, без устали любовалась собственным отражением в воде. Завороженные дивной красотой, волны решили завладеть цветком.

Вскоре вся река закипела и вспенилась от страсти. Волны становились все беспокойнее, подгоняемые неодолимым желанием. А лилия, обдаваемая брызгами, неприступная и гордая, продолжала красоваться на своем прочном гибком стебле. Тогда волны еще пуще стали бить о берег, захлестывая и подтачивая его, пока он не рухнул в кипящую пучину, увлекая за собой одинокую красавицу.

Орех и колокольня

Нажившись где-то орехом, довольная ворона полетела на колокольню. Устроившись там поудобней и придерживая добычу лапой, она принялась яростно долбить клювом, чтобы добраться до лакомого зернышка. Но то ли удар оказался слишком сильным, то ли ворона сплеховала, орех вдруг выскользнул у нее из лапы, покатился вниз и исчез в расселине стены.

– О, добрая стена-заступница! – слезно запричитал орех, все еще не пришедший в себя от жестоких ударов вороньего клюва. – Не дай погибнуть, сжался надо мной! Ты так прочна и величава, у тебя такая красивая колокольня. Не гони меня!

Колокола глухо и неодобрительно загудели, предупреждая стену не доверяться коварному ореху, так как он может оказаться опасным для нее.

– Не оставь меня, сирого, в беде! – продолжал причитать орех, стараясь перекричать сердитый гул колоколов. – Мне уже надлежало покинуть родимую ветку и упасть на сырую землю, как вдруг нагрянула злодейка. Оказавшись в клюве прожорливой вороны, я дал себе зарок: если удастся избежать смерти – провести тихо и спокойно остаток своих дней в какой-нибудь ямке.

Пылкие речи ореха растрогали старую стену до слез. Вопреки предупреждению колоколов она решила оказать ореху гостеприимство и оставить в щели, куда он закатился.

Однако со временем орех оправился от испуга, освоился и пустил корни, а те начали вгрызаться в гостеприимную стену. Вскоре из расселины выглянули наружу первые ростки. Они дружно тянулись кверху и набирали силу. Прошло еще немного времени, и молодые побеги орешника уже гордо возвышались над самой колокольней.

Особенно доставалось стене от корней. Цепкие и напористые, они все пуще разрастались, круша и расшатывая старую кладку, и безжалостно выталкивали прочь кирпичи и камни.

Слишком поздно стена поняла, насколько коварным оказался невзрачный жалкий орешек с его клятвенными заверениями жить тише воды и ниже травы. Ей теперь ничего другого не оставалось, как корить себя за доверчивость и горько сожалеть, что в свое время она не прислушалась к голосу мудрых колоколов.

Орешник же продолжал расти с гордым безразличием, а колокольня все более разрушалась.

Огонь и котелок

В теплой золе еще тлел едва приметный уголек. С большой осторожностью и расчетливостью он расходовал последние силы, дабы вконец не угаснуть и не задохнуться в сизом пепле.

Настала пора ужина, и в остывающую печь подбросили охапку дров и сухого валежника. Совсем было угасший уголек ожил, и вскоре среди дров, поверх которых был подвешен чугунный котелок с варевом, поднялся язычок пламени.

Обрадовавшись сухим дровам, огонь начал постепенно разгораться, изгоняя из печи застойный воздух. Заигрывая с поленьями и шаловливо выскакивая то сверху, то снизу, огонь все пуще занимался.

Настойчиво прорываясь через поленья, языки пламени с треском выбрасывали целые пригоршни) искр. Темные тени, заполнившие кухню, весело заплясали и разбежались по углам, а огонь-проказник зафырчал озорно и радостно, норовя прорваться наружу сквозь печной заслон. Вскоре печь загудела и запела на все лады, то бойко посвистывая, то жалобно завывая. В кухне стало теплее и просторнее.

Видя, что дрова уже целиком в его власти, огонь стал строптивым и дерзким. Его распирало зазнайство и спесь, и ему уже было тесно в печи.

Огонь принялся угрожающе шипеть, трещать и обстреливать всю топку искрами. Устремив кверху языки пламени, он вознамерился добраться до поднебесья, а угодил... в закопченное от сажи дно котелка.

Украденное яйцо

Как-то куропатка, облюбовавшая себе место на кипарисе, заглянула к соседке, поселившейся на маслине, и, не застав ту дома, похитила у нее из гнезда яйцо.

Шло время, и вот, как положено, в обоих гнездах вылупились птенцы. Когда крикливое и прожорливое потомство подросло и окрепло, наступил знаменательный день – вылет из родимого гнезда.

Первыми отправились в полет птенцы, жившие на маслине. Сделав несколько кругов над садом, они вернулись домой. Наступил черед и для птенцов, обитавших на кипарисе. Совершив полет, счастливые и довольные, они вернулись в своё гнездо. И только один птенец, вылупившийся из украденного яйца, подчиняясь внутреннему зову, вернулся к родной маме, свившей гнездо на маслине.

Тополь

Известно, что тополь растет быстрее многих деревьев. Его побеги прямо на глазах тянутся кверху, обгоняя в росте все прочие растения в округе. Однажды молодому тополю пришла в голову мысль обзавестись подружкой жизни. Свой выбор он остановил на приглянувшейся ему виноградной лозе. – Что за странная блажь! – отговаривали его собратья. – С этой красавицей лозой ты хлебнешь горя. На что она тебе? Наше дело – расти вверх, и иного нам не дано. Но упрямый тополь настоял на своем. Пылкий влюбленный соединился с молодой лозой и позволил ей покрепче себя обнять, чему был несказанно рад. Получив прочную опору, лоза стала быстро разрастаться и плодоносить.

Увидев, что лоза хорошо прижилась, цепко обвившись вокруг ствола, сметливый крестьянин стал по весне обрезать ветки тополя, чтобы они не тянули за собой ввысь лозу, а ему самому было бы сподручней собирать осенью гроздья спелого винограда.

Куда девалась былая статность тополя? Он округлился, поутратил прежний пыл и смирился с судьбой. Стоит себе куцей, с подрезанными ветвями, служа подпоркой для своей плодovитой подружки. А его собратья, взметнув ввысь густые кроны, беззаботно шелестят листвою.

Муравей и пшеничное зерно

Оставшееся на поле после жатвы пшеничное зерно с нетерпением ждало дождя, чтобы поглубже зарыться в сырую землю в преддверии наступающих холодов. Пробегавший мимо муравей заметил его. Обрадовавшись находке, он, не раздумывая, взвалил тяжелую добычу на спину и с трудом пополз к

муравейнику. Чтобы засветло поспеть к дому, муравей ползет без остановки, а поклажа все тяжелее давит его натруженную спину.

– Зачем ты надрываешься? Брось меня здесь! – взмолилось пшеничное зерно.

– Если я тебя брошу, – ответил муравей, тяжело дыша, – мы останемся на зиму без пропитания. Нас много, и каждый обязан промышлять, дабы умножать запасы в муравейнике. Тогда зерно подумало и сказало: – Я понимаю твои заботы честного труженика, но и ты вникни в мое положение. Послушай меня внимательно, умный муравей!

Довольный тем, что можно немного перевести дух, муравей сбросил со спины тяжелую ношу и присел отдохнуть.

– Так знай же, – сказало зерно, – во мне заключена великая животворная сила, и мое назначение – порождать новую жизнь. Давай заключим с тобой полюбовно один договор. – Какой такой договор?

– А вот какой. Если ты не потащишь меня в муравейник и оставишь здесь на родном поле, – пояснило зерно, – то ровно через год я вознагражу тебя. Удивленный муравей недоверчиво покачал головой. – Верь мне, дорогой муравей, я говорю сущую правду! Если ты сейчас откажешься от меня и повредишь, то потом я сторицей вознагражу твоё терпение и твой муравейник не будет внакладе. В обмен на одно вы получите сто таких же зерен.

Муравей задумался, почесывая затылок: «Сто зерен в обмен на одно. Да такие чудеса только в сказках бывают».

– А как ты это сделаешь? – спросил он, распираемый любопытством, но все еще не веря.

– Положись на меня! – ответило зерно. – Это великая тайна жизни. А теперь вырой небольшую ямку, закопай меня, а летом сызнова возвращайся.

В условленный срок муравей вернулся на поле. Пшеничное зерно сдержало свое обещание.

Пчела и трутни

Управы на вас нет, бездельники! – не выдержала как-то рабочая пчела, урезонивая трутней, летавших попусту вокруг улья. – Вам бы только не работать. Постыдились бы! Куда ни глянь, все трудятся, делают запасы впрок. Возьмите, к примеру, крохотного муравья. Мал, да удал. Все лето работает в поте лица, стараясь не упустить ни одного дня. Ведь зима не за горами.

– Нашла кого ставить в пример! – огрызнулся один из трутней, которому наскучили наставления пчелы. – Да твой хваленый муравей губит семена каждого урожая. Этот крохобор тащит всякую мелочь в свой муравейник.

Бездельника хлебом не корми, а дай порассуждать, да и в умении очернить других ему не откажешь. Он всегда готов найти оправдание собственной никчемности.

Кедр

В одном саду рос кедр. С каждым годом он мужал и становился все выше и краше. Его пышная крона царственно возвышалась над остальными деревьями и отбрасывала на них густую тень. Но чем больше он разрастался и тянулся вверх, тем сильнее в нем росло непомерное высокомерие. С презреньем поглядывая на всех свысока, однажды он повелительно крикнул:

– Уберите прочь этот жалкий орешник! – И дерево было срублено под корень.

– Освободите меня от соседства несносной смоковницы! Она докучает мне своим глупым видом,– приказал в другой раз капризный кедр,– и смоковницу постигла та же участь.

Довольный собой, горделиво покачивая ветвями, спесивый красавец никак не унимался:

– Очистите вокруг меня место от старых груш и яблонь! – И деревья пошли на дрова.

Так неугомонный кедр повелел истребить одно за другим все деревья, став полновластным хозяином в саду, от бывшей красы которого остались одни пни.

Но однажды разразился сильный ураган. Зазнавшийся кедр изо всех сил противился ему, крепко держась за землю мощными корнями. А ветер, не встретив на своем пути других деревьев, беспрепятственно набрасывался на одиноко стоящего красавца, нещадно ломая, круша и пригибая его книзу. Наконец истерзанный кедр не выдержал яростных ударов, треснул и повалился наземь.

Щегол

Держа червячка в клюве, щегол подлетел к своему гнезду, но птенцов внутри не оказалось. Пока он был на охоте, злоумышленники выкрали их.

Крича и плача, щегол принялся искать пропавших птенцов. Весь лес огласился его жалобными стонами и призывами, но никакого ответа не последовало.

На следующее утро несчастному родителю повстречался зяблик, который поведал, что еще вчера видел щеглят в одном крестьянском доме.

Вне себя от радости щегол полетел во весь дух к селению и вскоре оказался у того дома, на который указал добрый зяблик.

Щегол сел на конек крыши, огляделся, но никого не увидел. Он слетел на гумно – и там ни души. Когда же бедный отец поднял голову кверху, он заметил клетку, висевшую снаружи у окна. В ней сидели его щеглята- пленники. Щегол ринулся к ним.

Завидев отца, птенцы принялись хором жалобно щебетать, умоляя поскорее выволить их из неволи. Орудя лапками и клювом, щегол предпринял отчаянные усилия, чтобы раздвинуть железные прутья клетки.

Но все его старания оказались тщетны. Тогда, громко заплакав, он улетел прочь.

На следующий день обезумевший от горя щегол вновь появился у клетки, где томились несчастные щеглята. Он долго смотрел на них с нежностью, а потом тихонько клюнул каждого птенца в разинутый рот.

Родитель принес в клюве ядовитую травку, и все щеглята разом протянули лапки...

– Лучше умереть, чем маяться в неволе, – горестно промолвил гордый щегол и улетел в лес.

Вьюн и ящерица

Пышно разросшийся вьюн поднял ввысь свою нежно-изумрудную листву, сверкающую на солнце. Любуясь собственной красотой, он так возгордился, что с трудом переносил соседство других растений. Особенно досаждал ему своей невозмутимостью старый, высохший ствол, стоявший рядом.

– Послушай-ка, старина! – обратился к нему однажды вьюн. – Что ты торчишь у меня под ногами? Пора бы и честь знать. Сгинь с моих глаз долой!

Старый ствол сделал вид, будто не расслышал грубияна, и промолчал, думая о своем. Тогда неугомонный вьюн обратился к терновнику, чьи густые заросли стояли вокруг сплошной стеной.

– Эй ты, как тебя, терновник! Житья, братец, не стало от твоих скверных колючек – в глазах рябит. Неужели не догадываешься, что своими ветвями застишь мне свет? Поверни их в сторону!

Но терновник, занятый своим делом, не счел даже нужным отвечать на такие слова, пропустив их мимо ушей.

Гревшаяся на солнцепеке старая ящерица не выдержала и сказала с укоризной:

– До чего же ты глуп, вьюн-хвостун, как погляжу я на тебя! Ведь благодаря старому стволу ты растешь прямо и тянешься вверх, цепляясь за него. Неужели тебе невдомек, что, кабы не колючие заросли терновника, тебя, замухрышку, давно затоптали бы непрошеные гости?

Возмущенный вьюн хотел было возразить, но ящерица не дала ему рта раскрыть.

– Глаза бы мои на тебя не глядели! Чем пыжиться да вверх тянуться попусту, лучше бы у соседей набирался ума-разума.

Камень и дорога

Жил-был на свете большой красивый камень. Протекавший мимо ручей до блеска отполировал его бока, которые так и сверкали на солнце. Но со временем ручей высох, а камень продолжал лежать на пригорке. Вокруг него было раздолье для высоких трав и ярких полевых цветов.

Сверху камню хорошо была видна пробегавшая внизу мощеная дорога, по обочине которой были свалены в кучу голыши и булыжники.

Оставшись в одиночестве без привычного журчания веселого ручья, камень все чаще стал с тоской поглядывать вниз на дорогу, где всегда царило оживление. Однажды ему сделалось так грустно, что он не выдержал и воскликнул:

– Не век же мне вековать одному! Что проку от трав и цветов? Куда разумнее жить бок о бок с моими собратьями на проезжей дороге, где жизнь бьет ключом.

Сказав это, он сдвинулся с насиженного места и стремглав покатился вниз, пока не очутился на дороге среди таких же, как он, камней.

Кто только не проходил и не проезжал по дороге! И колеса повозок с железными ободьями, и копыта лошадей, коров, овец, коз, и щегольские сапоги с ботфортами, и подбитые гвоздями крепкие крестьянские башмаки.

Камень оказался в дорожной толчее, где его грубо отшвыривали в сторону, топтали, крошили, обдавали потоками грязи, а порою он бывал выпачкан по уши коровьим пометом.

Куда девалась его былая красота! Теперь он с грустью посматривал вверх, на пригорок, где когда-то мирно лежал среди благоухающих цветов и разнотравья. Ему ничего более не оставалось, как тщетно мечтать о возврате утраченного спокойствия. Не зря говорят: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Так и люди, порой бездумно покидают глухие сельские уголки, устремляясь в шумные многолюдные города, где тотчас оказываются во власти суеты, неутомимой жажды и нескончаемых трудностей и треволнений.

Орешник

В большом саду за оградой росли в добром согласии и мире фруктовые деревья. По весне они утопали в молочно-розовой кипени, а к исходу лета гнулись под тяжестью спелых плодов.

Случайно в эту дружную трудовую семью затесался орешник, который вскоре буйно разросся и возомнил о себе.

– С какой стати мне торчать в саду за оградой?– недовольно ворчал он.– Я вовсе не собираюсь жить здесь затворником. Пусть мои ветки перекинутся через забор на улицу, чтобы вся округа знала, какие у меня дивные орехи!

И орешник принялся настойчиво одолевать высокий забор, дабы предстать во всей красе перед прохожими.

Когда пришла пора и его ветки оказались сплошь усыпаны орехами, всяк кому не лень стал их обрывать. А коли руки не доставали, в ход шли палки и камни.

В скором времени побитый и обломанный орешник растерял не только плоды, но и листья. Как плети, безжизненно свисали через забор его искалеченные ветки, а в густой зелени сада красовались налитые соком яблоки, груши, персики...

Ручей

Один легкомысленный ручей запомнил, что своими родами он обязан дождю. Как-то после сильного ливня он так непомерно раздулся, что, утратив скромность, вознамерился стать полноводной рекой.

Чтобы расширить русло, разбушевавшийся не на шутку ручей принялся подтачивать берег, размывая землю и обрушивая камни.

Но вот ветер разогнал тучи и снова выглянуло яркое солнце. Сам того не ведая, строптивый ручей оказался пленником сооруженной им запруды. Чтобы не превратиться в грязную лужу и не высохнуть на солнцепеке, ему пришлось немало попотеть, плутая среди разбросанных камней, прежде чем он смог спуститься в долину и отдать свои воды их законной хозяйке – реке.

Персиковое дерево

В одном саду рядом с орешником росло персиковое дерево. Оно то и дело с завистью поглядывало на ветви соседа, щедро усыпанные орехами.

– Отчего у него столько плодов, а у меня так мало?– не переставало ворчать неразумное дерево.– Разве это справедливо? Пусть и у меня будет столько же персиков! Чем я хуже его?

– Не зарься на чужое! – сказала как-то ему росшая поблизости старая слива.

– Неужели ты не видишь, какой крепкий ствол и гибкие ветки у орешника? Чем ворчать понапрасну да завидовать, постарайся-ка лучше вырастить добротные сочные персики.

Но ослепленное черной завистью персиковое дерево не пожелало прислушаться к добрым советам сливы, и никакие доводы на него не действовали. Оно тут же повелело своим корням поглубже вгрызться в землю и поболее извлечь живительных соков и влаги. Ветвям оно приказало не скупиться на завязь, а цветам превратиться в плоды.

Когда прошла пора цветения, дерево оказалось до самой макушки увешанным зреющими плодами.

Наливаясь соком, персики тяжелели день ото дня, и ветвям было нелегко удерживать их на весу.

И вот однажды дерево застонало от натуги, ствол с треском надломился, а спелые персики попадали на землю, где вскоре и сгнили у подножия невозмутимого орешника.

Блоха и овечья шкура

Обосновавшись в мохнатой шкуре добродушного дворового пса, блоха жила себе припеваючи и ни о чем не тужила.

Но однажды она учуяла пленительный запах добротной чистой шерсти.

– Что бы это могло быть?– заинтересовалась она и, сделав несколько прыжков, обнаружила, что ее верный пес сладко спит, растянувшись поверх лохматой овчины. – Ах, как я мечтала о такой великолепной шубе! –

восхищенно воскликнула блоха, не в силах оторвать взгляд от овчины.– Насколько же она густа, шелковиста и изящна, а главное, надежна. На ней уж не придется опасаться собачьих зубов и когтей. Мой пес стал невыносим. Потеряв всякое приличие, он то и дело почесывается и ищет меня. Как мне опостылела вечная игра в прятки! Наверняка овечья кожа куда нежнее и слаще собачьей.

Не раздумывая более и стараясь не упустить счастливый случай, блоха поднатужилась и одним махом перелетела с собачьей шкуры на овечью.

Однако вопреки надеждам и ожиданиям овчина оказалась настолько густая и плотная, что блохе пришлось изрядно потрудиться, отдирая лапками один волосок от другого и прокладывая путь в непроходимой чаще. Преодолев немало препятствий, она добралась наконец до желанной цели. Но, увы, дубленая овечья кожа была тверда словно камень. Как ни тужилась блоха, как ни изворачивалась, этот лакомый кусочек оказался ей не по зубам.

Вконец обессиленная, взмокшая от натуги и раздосадованная, блоха решила отказаться от своей затеи и двинулась в обратный путь. Ей уже не терпелось поскорее вернуться на привычную собачью шкуру и вновь зажечь прежней жизнью. Глядь, а собаки и след простыл!

Целые дни напролет бедняжка убивалась и корила себя за непростительную опрометчивость, пока не умерла от тоски и голода, окончательно заблудившись в густой овчине.

Паук и стриж

Трижды паук был вынужден натягивать между деревьями свою серебристую паутину, и всякий раз, пролетая на бреющем полете, стриж-насмешник разрывал крылом его сети.

– Почему ты мешаешь мне работать?– возмущенно спросил паук.– Разве я тебе помеха?

– Да ты само воплощение коварства! – прощепетал стриж в ответ. – А твоя паутина-невидимка – смертельная ловушка для насекомых.

– Тебе ли, братец, говорить такие слова?– подивился паук.– Чем же ты лучше меня? Днями напролет носишься с открытым клювом и хватаешь направо и налево тех же букашек, о коих теперь так печешься. Для тебя это занятие вроде забавы. Я же тружусь изо всех сил, тку тонкие нити и плету из них кружево. В награду за рдение и честный труд получаю добычу, когда она попадает в сети. Каждый горазд судить другого, смотря на мир со своей колокольни.

Инжир и вяз

Инжир гордо покачивал ветвями, сплошь усыпанными еще не созревшими плодами.

Подняв глаза, он с удивлением обнаружил, что рядом выросло дерево с густой кроной, на ветвях которого, кроме листьев, ничего не было.

– Кто дал тебе право закрывать солнце и мешать моим плодам набираться сил? – грозно спросил инжир у незнакомца.– Ты кто такой? Отвечай!

– Я вяз,– робко и учтиво ответил сосед.

– Ах ты вяз в листьях по уши увяз!– передразнил его недовольный инжир.– А где же твои плоды? Постыдился бы расти без толку и мешать другим. Вот погоди! Скоро мои плоды созреют, попадают на сырую землю и прорастут. Тогда мы тебя разом со свету сживем.

И действительно, плоды инжира удались на славу – все как на подбор. Но однажды мимо проходили солдаты. Увидев инжир, они с жадностью набросились на него, посрывали плоды и обломали ветки.

Сердобольный вяз с сочувствием посмотрел на присмиревшего соседа.

– Бедный инжир! Напрасно ты пророчил мне гибель, не ведая, что тебя самого ждет печальная участь. И мне тебя вдвойне жаль, ибо пострадал ты из-за собственных плодов.

Инжир еще долго сокрушался, залечивая раны, а добрый вяз продолжал разрастаться, никому не завидуя и не желая худого.

Сыновья благодарности

Как-то поутру два старых удода, самец и самка, почувствовали, что на сей раз им не вылететь из гнезда. Густая пелена застлала им очи, хотя небо было безоблачным и день обещал быть солнечным. Но оба они видели лишь мутную дымку и ничего уже не различали вокруг. Птицы были стары и немощны. Перья на крыльях и хвосте потускнели и ломались, словно старые сучья. Силы были на исходе.

Старики удоды решили не покидать более гнездо и вместе ожидать последний час, который не замедлит явиться.

Но они ошиблись – явились их дети. Поначалу показался один из сыновей, случайно пролетавший мимо. Он заметил, что старым родителям нездоровится и туго приходится одним, и полетел оповестить остальных братьев и сестер.

Когда все молодые удоды были в сборе подле отчего дома, один из них сказал: – От наших родителей мы получили величайший и бесценный дар - жизнь. Они вскормили и взрастили нас, не жалея ни сил, ни любви. И теперь, когда оба слепы, больны и уже не в состоянии прокормить себя, наш святой долг – вылечить и выводить их!

После этих слов все дружно принялись за дело. Одни немедленно приступили к постройке нового, более теплого гнезда, другие отправились на ловлю букашек и червячков, а остальные полетели в лес.

Вскоре было готово новое гнездо, куда дети бережно перенесли старых родителей. Чтобы согреть их, они накрыли стариков крыльями, как наседка согревает собственным теплом еще не вылупившихся птенцов. Затем родителей напоили родниковой водой, накормили и осторожно выщипали свалевшийся пух и старые ломкие перья.

Наконец из леса вернулись остальные удоы, принеся в клюве травку, исцеляющую от слепоты. Все принялись врачевать больных соком чудодейственной травки. Но лечение шло медленно, и пришлось запастись терпением, подменяя друг друга и не оставляя родителей ни на минуту одних.

И вот настал радостный день, когда отец и мать раскрыли глаза, огляделись и узнали всех своих детей. Так сыновья благодарность и любовь исцелили родителей, вернув им зрение и силы.

Сердечная теплота

Два молодых страуса были вне себя от горя. Всякий раз, как самка принималась высидывать яйца, те лопались под тяжестью ее тела.

Отчаявшись добиться своего, они решили отправиться за советом к умной бывалой страусихе, жившей на другом конце пустыни.

Много дней и ночей пришлось бежать им, пока они не добрались до цели.

– Помогите нам!– взмолились оба.– Вразумите и научите нас, несчастных, как высидывать яйца! Сколько мы ни старались, нам так и не удалось получить потомство.

Внимательно выслушав их горестную историю, умная страусиха сказала в ответ:

– Дело это многотрудное. Помимо желания и старания здесь надобно еще кое-что.

– Что же?– разом воскликнули оба страуса.– Мы на все согласны!

– А коли так, слушайте и запоминайте! Самое главное – это сердечная теплота. Вы должны с любовью относиться к снесенному яйцу, постоянно заботясь о нем, как о самой дорогой для вас ценности. Только теплота ваших сердец способна вдохнуть в него жизнь.

Окрыленные надеждой страусы отправились в обратный путь.

Когда яйцо было снесено, самка и самец принялись бережно ухаживать за ним, не спуская с него глаз, полных любви и нежности.

Так прошло немало дней. От постоянного бдения оба страуса еле держались на ногах. Но их вера, терпение и старания были вознаграждены. Однажды в яйце что-то дрогнуло, оно треснуло и расколосось, а из скорлупы выглянули пушистая головка крохотного страусенка.

Лев

У малышей еще не прорезались глаза. Они пока беспомощно ползают между лап мамы львицы и тыкаются слепыми мордочками в теплый материнский живот в поисках вкусного молока, оставаясь глухи к любому другому зову.

Стараясь не мешать своей подруге ухаживать за сосунками, гордый лев стоял в стороне и внимательно наблюдал за своим семейством.

Вдруг он потрянул царственной гривой и издал мощный раскатистый рев.

Львята тотчас прозрели, а все остальные обитатели саванны в ужасе разбежались.

Подобно грозному львиному рыку, пробуждающему львят к жизни, справедливая похвала или хула разумных родителей помогает раскрытию добродетелей в наших детях. Тем самым взрослые побуждают ребят к учебе и радению, отлучая их от некрасивого и дурного.

Лоза и крестьянин

Лоза не могла нарадоваться, видя, как весной крестьянин осторожно вскопал вокруг нее землю, стараясь не задеть заступом нежные корни, как он любовно ухаживал за ней, подвязывал, ставил прочные подпорки, чтобы ей вольготно было расти.

В благодарность за такую заботу лоза решила во что бы то ни стало одарить человека сочными душистыми гроздьями.

Когда пришла пора сбора винограда, лоза была сплошь увешана крупными кистями. Рачительный хозяин все их срезал одну за другой и бережно уложил в корзину. Затем подумав, выкопал колья и подпорки и пустил их на дрова.

И бедной лозе ничего не осталось, как горевать от незаслуженной обиды и мерзнуть всю зиму на голой земле. Но на следующий год она уже не была столь щедра, и недалёковидный крестьянин жестоко поплатился за свою жадность.

Горноста́й

Однажды, когда лисица была занята трапезой, мимо пробежал горноста́й в своем великолепном одеянии.

– Хочешь отведать, приятель? Не стесняйся!– предложила ему насытившаяся и подобревшая лисица.

– Благодарю покорно,– с достоинством ответил горноста́й,– но я уже пообедал.

– Ха, ха, ха!– засмеялась та.– Скромнее вас, горноста́ев, не сыскать животных на земле. Какие же вы чистюли! Просто диву даешься. Едите раз в день и предпочитаете голодать, лишь бы не замарать свою шубку.

Вдруг откуда ни возьмись появились охотники. Рыжая молниеносно скрылась – только ее и видели, а горноста́й стремглав помчался к своему укрытию.

Но полуденное солнце успело растопить снег, и норка горноста́я, еще утром такая опрятная и ухоженная, заплыла грязью. Белоснежный зверек несколько замешкался, стараясь не запачкать шубку, и вот тут-то охотники сразили его наповал.

Умеренность служит надежной защитой от пороков. Гордый горноста́й предпочитает скорее погибнуть, нежели запятнать грязью свою чистоту.

Паук и виноград

Наблюдая несколько дней кряду за полетом мошкары, паук заметил, что чаще всего она тучами вьется над виноградником.

– Теперь мошкаре несдобровать! – ухмыльнулся паук и пополз вверх по лозе. Он протянул крепкую сеть к одной из самых крупных душистых кистей, а сам спрятался в углублении между прохладными виноградинами.

Из своего укрытия хитрый разбойник напал исподтишка на беспечных мошек, привлеченных терпким запахом зреющего винограда и не подозревавших, какая их ждет опасность. Прожорливый паук передумал немало мошек, и подвох сходил ему с рук.

Но вот наступила пора сбора винограда. Урожай выдался богатый, и крестьянину пришлось немало потрудиться на своем винограднике. Ловко орудуя ножом, он срезал одну кисть за другой. Попалась ему и та, в которой притаился паук. Она тут же угодила в большую корзину, где была завалена другими крупными гроздьями.

Так виноград оказался ловушкой для вероломного паука. Он хитро плел сети для других, а запутался в них сам и был раздавлен.

Черемуха и дрозды

У черемухи лопнуло всякое терпение. С той поры, как созрели ее терпкие ягоды, житья не стало от дерзких назойливых дроздов. С утра до вечера они кружились стаями над ней, безжалостно обдирая клювом и когтями все ветки.

– Пожалуйста, прошу тебя! – взмолилась она, обращаясь к самому докучливому дрозду. – Знаю, что мои ягоды – твое любимое лакомство. Поедай их на здоровье, мне не жалко. Но оставь в покое мои листья. Не срывай их! Под их сенью я спасаюсь от палящего солнца. И не терзай меня острыми когтями, не сдирай кожу!

Дрозд был первым забиякой в стае, и слова черемухи пришлись ему не по вкусу.

– Помалкивай, коли тебя не спрашивают! Самой природой так заведено, чтобы ты плодоносила ради моего удовольствия. Да что с тобой, дубиной стоеросовой, толковать! Зимой пойдешь на дрова.

Услышав такой ответ, черемуха еще пуще опечалилась и молча заплакала.

Но предрекавший ей гибель озорной дрозд сам угодил в силоч, поставленный крестьянином. Чтобы соорудить для пойманной птицы клетку, человек надергал прутьев из плетня и сломал несколько гибких веток у черемухи.

Так черемуха снова свиделась со своим обидчиком, который теперь сидел понуро в клетке и был тише воды, ниже травы. Но она промолчала, вспомнив слова, услышанные еще в молодости: как теплая одежда спасает от стужи, так выдержка защищает от обиды – Умножай терпение и спокойствие духа, и обида, как бы горька ни была, тебя не коснется.

Устрица и мышь

Как-то устрица угодила в сеть и вместе с богатым уловом оказалась в рыбачьей хижине.

«Здесь всех нас ждет неминуемая гибель», – печально подумала она, видя, как в сваленной на полу куче задыхаются без воды и бьются в предсмертных муках ее собратья по несчастью.

Вдруг откуда ни возьмись явилась мышь. – Послушай, добрая мышка! – взмолилась устрица. – Сделай милость, отнеси меня к морю!

Мышь понимающим взглядом оглядела ее: устрица была на редкость крупная и красивая, да и мясо у нее, должно быть, сочное и вкусное.

– Хорошо, – с готовностью ответила мышь, решив поживиться легкой добычей, которая, как говорится, сама шла в руки. – Но прежде ты должна раскрыть створки своей раковины, чтобы мне сподручнее было нести тебя к морю. Иначе я с тобой никак не управлюсь.

Плутовка говорила так убедительно и проникновенно, что обрадованная ее согласием устрица не учуяла подвоха и доверчиво раскрылась. Узкой мордочкой мышь тут же сунулась внутрь раковины, чтобы крепче вцепиться зубами в мясо. Но впопыхах забыла про осмотрительность, и устрица, почувствовав неладное, успела захлопнуть свои створки, зажав крепко-накрепко, словно капканом, голову грызуна. Мышь громко запищала от боли, а находившаяся поблизости кошка услышала писк, одним прыжком настигла обманщицу и сцапала.

Как говорится, хитри-хитри, да хвост береги.

Невод

И вновь в который раз невод принес богатый улов. Корзины рыбаков были доверху наполнены головлями, карпами, линями, щуками, угрями и множеством другой снеди. Целые рыбы семьи, с чадами и домочадцами, были вывезены на рыночные прилавки и готовились окончить свое существование, корчась в муках на раскаленных сковородах и в кипящих котлах.

Оставшиеся в реке рыбы, растерянные и охваченные страхом, не осмеливаясь даже плавать, зарылись поглубже в ил. Как жить дальше? В одиночку с неводом не совладать. Его ежедневно забрасывают в самых неожиданных местах. Он беспощадно губит рыб, и в конце концов вся река будет опустошена.

– Мы должны подумать о судьбе наших детей. Никто, кроме нас, не позаботится о них и не избавит от страшного наваждения, – рассуждали пескари, собравшиеся на совет под большой корягой.

– Но что мы можем предпринять? – робко спросил линь, прислушиваясь к речам смельчаков.

– Уничтожить невод! – в едином порыве ответили пескари.

В тот же день всезнающие юркие угри разнесли по реке весть о принятом смелом решении. Всем рыбам от мала до велика предлагалось собраться

завтра на рассвете в глубокой тихой заводи, защищенной развесистыми ветлами.

Тысячи рыб всех мастей и возрастов приплыли в условленное место, чтобы объявить неводу войну.

– Слушайте все внимательно! – сказал карп, которому не раз удавалось перегрызть сети и бежать из плена.– Невод шириной с нашу реку. Чтобы он держался стоймя под водой, к его нижним узлам прикреплены свинцовые грузила. Приказываю всем рыбам разделить на две стаи. Первая должна поднять грузила со дна на поверхность, а вторая стая будет крепко держать верхние узлы сети. Щукам поручается перегрызть веревки, коими невод крепится к обоим берегам.

Затаив дыхание, рыбы внимали каждому слову предводителя.

– Приказываю угрям тотчас отправиться на разведку!– продолжал карп.– Им надлежит установить, куда заброшен невод.

Угри отправились на задание, а рыбы стаи сгрудились у берега в томительном ожидании. Пескари тем временем старались ободрить самых робких и советовали не поддаваться панике, даже если кто угодит в невод: ведь рыбакам все равно не удастся вытащить его на берег.

Наконец угри возвратились и доложили, что невод уже заброшен примерно на расстоянии одной мили вниз по реке.

И вот огромной армадой рыбы стаи поплыли к цели, ведомые мудрым карпом.

– Плывите осторожно! – предупреждал вожак. – Глядите в оба, чтобы течение не затащило в сети. Работайте всю плавниками и вовремя тормозите!

Впереди показался невод, серый и зловещий. Охваченные порывом гнева, рыбы смело ринулись в атаку.

Вскоре невод был приподнят со дна, державшие его веревки перерезаны острыми щучьими зубами, а узлы порваны. Но разъяренные рыбы на этом не успокоились и продолжали набрасываться на ненавистного врага. Ухватившись зубами за искалеченный дырявый невод и усиленно работая плавниками и хвостами, они тащили его в разные стороны и рвали на мелкие клочья. Вода в реке, казалось, кипела.

Рыбаки еще долго рассуждали, почесывая затылки, о таинственном исчезновении невода, а рыбы до сих пор с гордостью рассказывают эту историю своим детям.

Летучая мышь и ласточка

Прилепившись к стене сарая под козырьком крыши, летучая мышь укрылась с головой перепончатыми крыльями, чтобы не видеть солнечного света. Так она провела весь день до заката.

Когда солнце скрылось за горизонтом и небо потемнело, она высунула голову из-под крыла и осторожно огляделась вокруг.

– Наконец-то погас этот отвратительный свет!– сказала она.– Ах, как затекли мои бедные лапки! Уж теперь-то я их разомну и всласть полетаю в ночном приволье.

Как раз в это время возвращалась домой запоздалая ласточка, уставшая после дневных забот. Она чуть было не столкнулась с летучей мышью, которая незаметно, по-воровски, вылетала из своего укрытия под навесом.

– Чтоб тебе пусто было! – в сердцах промолвила ласточка.– Ты, как злое наваждение, не можешь жить открыто и честно.

Ласточка была права. Добру незачем таиться и некого бояться, ибо оно одаривает всех теплом и радостью, как солнечный день. А вот летучая мышь, боясь ослепнуть, сторонится и бежит от света, точно ложь от правды.

Осел на льду

Проплутав по полям до самых сумерек, осел так утомился, что не в силах был дотащить до своего стойла. Зима в том году стояла суровая – все дороги обледенели. – Мочи нет боле. Передохну немного здесь,– сказал вконец обессиленный осел и растянулся на льду.

Откуда ни возьмись подлетел юркий воробей и прочирикал ему на ухо:

– Осел, очнись! Ты не на дороге, а на замерзшем пруду. Но ослу так хотелось спать, что он уже ничего не слышал. Сладко зевнув, он крепко заснул, и вскоре из его ноздрей повалил пар. Под действием тепла лед стал понемногу подтаивать, пока с треском не обломился.

Оказавшись в студеной воде, осел тотчас проснулся и стал звать на помощь. Но было уже поздно, и бедняга захлебнулся.

Никогда не следует гнушаться добрым советом, особенно когда находишься в незнакомом месте.

Сокол и щеглята

Вернувшись с охоты, сокол, к величайшему удивлению, обнаружил в собственном гнезде двух щеглят, сидевших бок о бок с его неоперившимися птенцами.

Он был не в духе, потому что охота в тот ненастный день не удалась: попадалась одна мертвечина. А соколы, как известно, скорее умрут с голоду, но никогда не станут питаться падалью.

При виде незваных гостей он еще более озлился и хотел было выместить на них свою досаду и растерзать их в клочья, но вовремя одумался. Даже в гневе негоже соколу обижать беззащитных пичужек.

– Откуда вы взялись здесь?– грозно спросил хозяин гнезда.

– Мы заблудились в лесу во время дождя,– пропищал еле-еле один из щеглят.

Хищник метнул на него гневный взор. Его распирали злость и мучил голод.

Дрожа от страха, два щегленка прижались друг к другу и не смели ни вздохнуть, ни пикнуть.

Оба были жирненькие и упитанные, но такие беспомощные и жалкие, что гордый сокол был не в силах наброситься на них. Он только закрыл глаза и отвернулся, чтобы не поддаваться соблазну.

– Вон отсюда!– зычно приказал хищник.– Чтобы духу вашего здесь не было!

И когда те стремглав полетели прочь, сокол обернулся к своим голодным птенцам и сказал:

– Наш удел – крупная добыча. Лучше умереть с голоду, чем позволить себе поживиться невинной птахой.

Филины и заяц

Сидя на суку, два филина наблюдали за зайцем, который носился по осенней стерне, словно за ним гналась свора борзых.

– Бедный зайчишка! – сказал один из филинов.– Ему даже недостает смелости укрыться в норе.

– Почему?– заинтересовался другой.

– Потому что боязно.

– Странно. Чего же ему бояться в собственном доме?

– Все зайцы таковы,– ответил первый филин.– Они живут в вечном страхе, а у страха глаза велики. Особенно теперь, когда начался листопад, зайцы носятся как угорелые при виде разноцветного дождя опадающих листьев. Их пугает любая перемена в природе.

– Так, значит, зайцы трусы!

– Конечно. Вот и этот зайчишка скачет без оглядки по голому полю, пока не угодит в капкан или не попадет на мушку меткому охотнику.

Воистину говорят: кто в страхе живет, тот и гибнет от страха.

Великодушие

Высунув голову из гнезда, орленок увидел множество птиц, летающих внизу среди скал.

Мама, что это за птицы?– спросил он.– Наши друзья,– ответила орлица сыну.– Орел живет в одиночестве – такова его доля. Но и он порою нуждается в окружении. Иначе какой же он царь птиц? Все, кого ты видишь внизу,– наши верные друзья.

Удовлетворенный маминым разъяснением орленок продолжал с интересом наблюдать за полетом птиц, считая их отныне своими верными друзьями. Вдруг он закричал: – Ай-ай, они украли у нас еду!

– Успокойся, сынок! Они ничего у нас не украли. Я сама их угостила. Запомни раз и навсегда, что я тебе сейчас скажу! Как бы орел ни был голоден, он непременно должен поделиться частью своей добычи с птицами, живущими по соседству. На такой высоте они не в силах найти себе пропитание, и им следует помогать.

Всяк, кто желает иметь верных друзей, должен быть добрым и терпимым, проявляя внимание к чужим нуждам. Почет и уважение добываются не

силой, а великодушием и готовностью поделиться с нуждающимся последним куском.

Верблюд и хозяин

Опершись на согнутые колени, верблюд терпеливо ждал, пока хозяин навьючит его. Он уже положил ему на спину один тюк, затем другой, третий, четвертый...

«Пора бы ему остановиться», – с грустью думал верблюд, не смея перечить хозяину.

«Наконец человек управился со своим делом и повелительно щелкнул бичом. Верблюд с трудом поднялся на ноги.

– Пошли! – приказал хозяин и дернул за узду. Но животное не тронулось с места. – Чего стал? Пошевеливайся! – грозно крикнул человек и дернул за узду что есть силы.

А верблюд уперся ногами в землю и продолжал стоять как вкопанный.

– Ах ты упрямец, – догадался хозяин и со вздохом сбросил два тюка со спины животного.

– Теперь, кажется, мне под силу, – пробормотал про себя верблюд и послушно двинулся в путь.

Так они прошагали целый день под палящим солнцем, и человек подумал, что хорошо было бы засветло добраться до ближайшего селения. Словно разгадав его мысли, верблюд вдруг остановился.

– Вперед! – зычным голосом крикнул хозяин. – Еще немного пути, и мы будем на месте.

«Ноги у меня гудят, и сегодня я потрудился вдоволь. Хозяину пора бы и честь знать», – рассудил про себя верблюд и растянулся на песке.

И хотя человека раздражала досада, но пришлось все же развьючить животное и устраиваться на ночлег в пустыне под открытым небом.

Думая только о корысти, хозяин, видать, забыл добрую дедовскую пословицу, что с одного верблюда две шкуры не дерут.

Лев и ягненок

Однажды голодному льву подбросили в клетку живого ягненка. Малыш был настолько наивен и добродушен, что ничуть не оробел при виде царя зверей. Приняв его, видимо, за свою маму, несмышлениш подошел к грозному мохнатому зверю, ласково заблеял и устался на него широко раскрытыми ясными глазами, полными безграничной любви, кротости и восхищения.

Лев был обезоружен такой доверчивостью и не посмел растерзать ягненка. Недовольно ворча, он так и заснул в тот раз голодным.

Львица

Вооруженные дротиками и острыми пиками охотники неслышно подкрадывались все ближе и ближе. Львица, кормившая малышей-сосунков,

вдруг учуяла незнакомый запах и тотчас поняла, что близка опасность. Но было поздно. Охотники уже обступили логово.

При виде людей с оружием в руках львица оторопела. Она хотела было спастись бегством, но тут же одумалась: ведь тогда ее львята станут легкой добычей для охотников.

Мать решила защитить малышей ценою собственной жизни. Низко пригнув голову, чтобы не видеть нацеленные на нее острые пики, она в отчаянном прыжке ринулась на людей и обратила их в бегство.

Беспомощные львята были спасены.

Страшный зверь

С некоторых пор все обитатели леса, даже самые отчаянные смельчаки и проныры, никак не могли взять в толк, отчего случались невероятные злоключения, стоило кому-нибудь из них оказаться подле старого кряжистого дерева с густой кроной?

Поползли слухи, один страшней другого. Поговаривали, что в лесу завелось чудовище, от которого скоро-де придет конец всей лесной братии.

Собравшись на большой совет, звери подумали и обратились к лисе:

– Ты у нас, лисонька, самая хитрая и проворная. Сделай милость, голубушка, выведай, в чем тут дело? Узнай, что за зверь такой поселился на старом дереве?

Польщенная вниманием лисица не заставила себя долго упрашивать. Но милостиво согласившись выполнить такую просьбу, она вовсе не собиралась рисковать собственной шкурой ради общего блага.

Поразмыслив немного, рыжая плутовка смекнула направить к злосчастному дереву свою закадычную подругу – любопытную сороку.

Полетав вокруг да около, сорока успела разглядеть среди густой листвы два светящихся огонька и услышала, как кто-то часто захлопал крыльями. С этой вестью на хвосте она вернулась ни жива ни мертва от страха.

Лисица тут же собрала всех зверей и объявила:

– Большая беда пришла в наш лес, друзья. Завелся страшный зверь по прозванию чудо-юдо. Пока никто еще не видел его клыкастую пасть и не слышал дикого рева. Но я судьбу испытывать не хочу, да и вам не советую, – и с этими словами лиса отправилась на житье в соседний лес. За ней молча последовали все остальные.

А на старом дереве, забившись в самую гущу ветвей, сидел глазастый филин и недоумевал, отчего вдруг все звери в лесу точно вымерли?

Взаправду говорят: у страха глаза велики.

Укус тарантула

Однажды, вскапывая огород, крестьянин увидел, как из-под кома земли выскочил большой тарантул.

– Какой мерзкий паук! – воскликнул крестьянин и от неожиданности отпрянул в сторону.

– Только тронь – укушу! – угрожающе прошипел тарантул и задвигал челюстями.– Знай, невежа, что мой укус смертелен и ты умрешь, корчась в страшных муках. Не подходи, не то хуже будет!

Крестьянин, однако, смекнул, что тот явно привирает, набивая себе цену, раз так много разговаривает. Он сделал шаг назад, а затем с силой придавил велеречивого паука босой ногой, приговаривая:

– На словах-то ты страшен, а каков на самом деле? Поглядим, удастся ли тебе отправить меня к праотцам!

В последний момент тарантул все же успел изловчиться и укусил занесенную над ним ступню. То ли крестьянин был настолько уверен, что угрозы паука – пустое бахвальство, то ли кожа на его ногах вконец огрубела, но, кроме легкого укола, он ничего не ощутил.

Сокол и утка

Всякий раз охотясь на уток, сокол выходил из себя. Эти жирные плутни постоянно надували его: в самый последний миг, когда он готов был вонзить свои когти, они успевали нырнуть под воду и оставались там гораздо дольше, нежели он мог недвижно продержаться в воздухе, ожидая их появления.

В то утро сокол решил вновь попытать счастья. Сделав несколько парящих кругов, хищник оценил обстановку и точно наметил очередную жертву. Сложив крылья, он устремился вниз, словно камень, выпущенный из пращи. Но перед самым его носом утка успела нырнуть в воду.

– На сей раз тебе несдобровать!– крикнул разозлившийся сокол и нырнул вслед за ней.

Увидев хищника под водой, утка ловко отпрянула в сторону и тут же юркнула вверх. Выскочив на поверхность, она как ни в чем не бывало взмахнула крыльями и полетела, а отяжелевший сокол никак не мог выбраться из воды.

Пролетая над незадачливым охотником, барахтающимся в воде, утка весело прокричала сверху:

– Прощай, кум! Я в твоём небе чувствую себя, как в воде, а ты в моем озере захлебнешься! Впредь будешь умнее.

Обезьянка и птенец

Прыгая с ветки на ветку, молоденькая обезьянка нашла как-то гнездо с птенцами. Она тотчас запустила в него лапу, но птенцы мгновенно упорхнули в разные стороны. Не повезло лишь самому слабому из них, не умевшему пока летать.

Не чувствуя под собой ног от радости, обезьянка вернулась домой с птенчиком в руках. Он так очаровал ее, что она принялась его ласкать, чмокать, облизывать, качать на руках и крепко прижимать к груди.

Мать умиленно посмотрела на дочь, но не пожурела за шалость.

– Ты только посмотри, мама, какой он милый и потешный! – восторженно кричала обезьянка. – Ах, как его люблю!

Она продолжала целовать и ласкать пичужку, пока та не задохнулась в жарких объятьях.

Пусть призадумаются некоторые родители, неспособные вовремя одернуть своих детей, потакая опасным забавам, которые никогда добром не кончаются.

Медвежонок и пчелы

Не успела медведица отлучиться по делам, как ее непоседливый сынок, забыв о мамином наказе сидеть дома, вприпрыжку помчался в лес. Сколько здесь раздолья и незнакомых манящих запахов! Не то что в тесной душной берлоге. Вне себя от радости медвежонок принялся гоняться за бабочками, пока не наткнулся на большое дупло, откуда так сильно пахнуло чем-то вкусным, что в носу защекотало.

Приглядевшись, малыш обнаружил, что пчел здесь видимо-невидимо. Одни летали с грозным жужжанием вокруг дупла, точно часовые, а другие прилетали с добычей и, юркнув внутрь, снова улетали в лес.

Завороженный этим зрелищем любопытный медвежонок не мог удержаться от соблазна. Ему не терпелось поскорее выведать, что творится внутри дупла. Вначале он просунул туда свой влажный нос и понюхал, а затем погрузил лапу и почувствовал что-то теплое и липкое. Когда он вытащил лапу наружу, она была вся в меду.

Не успел он лизнуть сладкую лапу и зажмуриться от удовольствия, как на него налетела туча свирепых пчел, которые впились ему в нос, уши, рот... От нестерпимой боли медвежонок взвыл и стал отчаянно защищаться, давя лапами пчел. Но те еще пуще жалили. Тогда он принялся кататься по земле, стараясь заглушить жгучую боль, но и это не помогало.

Не помня себя от страха, малыш пустился наутек к дому. Весь искусанный прибежал он в слезах к своей маме. Медведица пожурела его для порядка за баловство, а затем промыла покусанные места студеной ключевой водой.

С той поры медвежонок твердо знал, что за сладкое приходится горько расплачиваться.

Лев и петух

Проснувшись на рассвете, царь зверей сладко потянулся и напрямиком направился к реке. Для порядка он мощно рыкнул, оповещая о своем приближении всякое мелкое зверье, которое обычно собирается у водопоя и мутит воду. Вдруг он остановился, заслышав непривычный шум. Обернувшись, лев увидел, что на него во весь опор несется разгоряченная лошадь, за которой грохочет, подпрыгивая на камнях, пустая таратайка.

Лев прыгнул в ближайшие кусты и зажмурился от страха. Ему еще ни разу в жизни не приводилось видывать столь диковинное тархтящее животное.

Отсидевшись в кустах и немного придя в себя от испуга, лев вышел, озираясь, из зарослей и осторожной походкой вновь направился к водою.

Но не успел он пройти несколько шагов, как его слух поразил пронзительный клич. Где-то поблизости надрывался голосистый петух. Лев остановился как вкопанный, и его начала бить мелкая дрожь. А петух, словно издеваясь над ним, заголосил еще пуще во всю свою луженую глотку и к тому же принялся носиться по кругу, воинственно потрясая красным гребешком.

Из-за высокой травы льву был виден только подрагивающий огненный хохолок да слышен незнакомый клич: «ку-ка-ре-ку!». Не помня себя от страха и забыв про жажду, посрамленный царь зверей умчался в чащу леса.

Видать, и для льва выдаются порой несчастливые дни, когда все идет шиворот-навыворот и на каждом шагу подстерегают злоключения.

Ссора

Как воркуют голубки! Глядеть на них любо-дорого! – сказал как-то дворовый пес, не сводя глаз с голубятни.– Видать, все птицы живут в добром согласии, не чета нам с кошкой.

– Не очень-то обольщайся насчет птиц, любезный,– не преминула возразить кошка, сидевшая на высоком заборе.– Лучше послушай, что сейчас творится в курятнике.

Оттуда доносилось громкое кудактанье и шум перепалки. А вскоре на двор выскочил как ошпаренный старый взъерошенный петух и заковылял в сторону, оставляя за собой кровавый след. Из курятника слышалось победное «ку-ка-ре-ку!».

– Опять два петуха не поладили,– продолжала всезнающая кошка.– Пока один из них был цыпленком, куда ни шло, в курятнике было спокойно. Не успел он подрасти, как стал ужасным драчуном и задирой.

Кошка была права. Куры под одной крышей живут в мире и согласии, а два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике – уж такова их природа.

Плененная сова

Свобода! Да здравствует свобода!– закричали дрозды, первыми увидев, как крестьянин изловил злодейку сову, которая по ночам держала в страхе всю лесную птичью братию.

Вскоре по округе разнеслась радостная весть, что сова изловлена и посажена в клетку на крестьянском дворе. А человек изловил сову с умыслом. Посадив ее как приманку, он расставил для любопытных птиц силки.

– Попалась, злодейка!– потешались птицы, густо облепив забор, кусты и деревья.

Самые отчаянные и смелые подлетали вплотную к клетке, стараясь пребольно ущипнуть столь грозного еще вчера врага.

– И на тебя нашлась управа! Теперь-то ты не будешь разорять наши гнезда.

Чтобы поближе разглядеть плененную сову, птицы толкались и наседали друг на друга, пока сами не попали в западню.

Жажущий осел

В положенное время осел пришел на водопой. Но утки на пруду так раскрякались и разыгрались, хлопая крыльями, что замутили всю воду.

Хотя осла мучила нестерпимая жажда, он не стал пить и, отойдя в сторонку, принялся терпеливо ждать. Наконец утки уgomонились и, выйдя на берег, ушли прочь. Осел вновь подошел к воде, но она была еще мутная. И он опять отошел с понурой головой.

– Мама, почему же он не пьет?– спросил любопытный лягушонок, заинтересовавшись поведением осла.– Вот уже дважды он подходит к пруду и отходит ни с чем.

– А все потому, ответила мама лягушке,– что осел скорее умрет от жажды, нежели притронется к грязной воде. Он будет терпеливо ждать, пока вода не очистится и не станет прозрачной.

– Ах, какой же он упрямый!

– Нет, сынок, он не столько упрямый, сколько терпеливый,– пояснила лягушка.– Осел готов сносить все тяготы и огорчения. А упрямым его величает всяк, кому самому недостает выдержки и терпения.

Змеиные козни

Лети сюда скорее! – весело прочирикал зяблик своему товарищу.– Здесь такие забавные создания. Сидя на ветке, два птенца залюбовались зрелищем: у самой земли над листочком смешно извивались четыре червячка. Видимо, они отплясывали какой-то замысловатый танец, как бы приглашая птенцов принять участие в веселье.

Один из зябликов не устоял перед соблазном и решил полакомиться легкой добычей. Пляшущие червячки были заманчиво упитанные и, по всей вероятности, вкусные. Слетев с ветки, он в два прыжка оказался рядом и хотел было уже клюнуть, как перед ним раскрылась страшная змеиная пасть.

Зяблик на дереве успел только услышать жалобный писк смельчака, от которого осталось лишь несколько перьев в крови.

Откуда было знать неопытным птенцам, что в лесах водится очень хитрая змея. У нее над глазами вместо бровей имеются по два длинных отростка. Затаившись под колодой и спрятав голову среди листьев, злодейка начинает шевелить надбровными рожками. Принимая их за червячков,

доверчивые птицы становятся жертвой прожорливой хищницы. Вот почему коварного человека называют змеей подколодной.

Пантера

Мама! – закричала запыхавшаяся обезьянка, прыгнув на ветку высокого дерева.– Мне только что повстречалась львица. Какая же она красивая!

Обезьяна-мама раздвинула ветки и поглядела на зверя, застывшего в ожидании добычи.

– Это не львица, а пантера,– пояснила мама.– Ты приглядишься к окраске ее шкуры.

– Да она просто загляденье! Глаз не оторвешь,– воскликнула обезьянка.– Вся словно усыпана черными розочками. И действительно, издали казалось, что среди пожелтевшей от жары травы вдруг расцвели дивные махровые цветы.

– Пантера знает, сколь она привлекательна, и пользуется своей красотой как приманкой,– продолжала мама-обезьяна.– Завидев яркое одеяние незнакомки, замороженные звери следуют за ней и становятся легкой добычей хищницы. И красота служит порою для недобрых, дел.

Слоны

На земле нет животного крупнее, чем слон. Наделенный невероятной силой, он отличается незлобивым нравом, предельно честен и справедлив.

Слоны живут крупными кланами, где безраздельно властвует самый старший по возрасту вожак. Он определяет путь и ведет за собой остальных. Замыкает шествие самая опытная слониха.

Особой заботой и любовью пользуются малыши. Им достаются наиболее лакомые коренья и ягоды. Если на пути встает река, взрослые слоны входят в воду и образуют мощными телами временную запруду, дабы внизу по течению был брод, доступный для слонят.

Большие любители воды, слоны, однако, не умеют плавать из-за чрезмерного веса. Особенно подолгу они плещутся в водоемах в дни полнолуния, как бы исполняя таинственный ритуал поклонения ночному светилу.

Заболевшего слона врачуют растираниями и целебными травами. Иногда, нарвав пучки травы и цветов, слоны подбрасывают их высоко вверх, будто принося жертвоприношение небу и моля его об исцелении захворавшего сородича.

У слонов нет врагов, кроме охотников за бивнями, которые идут на любые ухищрения ради вожака ради добычи. Оказавшись в кольце, слоны сильным ударом о стволы деревьев сбивают свои бивни. Тем самым им часто удается вырваться из окружения и сохранить жизнь молодняку.

Когда слон угодит в ловушку, хитро подстроенную охотниками, весь клан по команде вожака начинает засыпать яму землей, сучьями и бревнами, пока несчастный не выберется благополучно наружу.

Добродушные великаны не помнят зла и проявляют заботу о людях, заблудившихся в лабиринте джунглей. Слоны выводят их из чащи и указывают дорогу к селению.

Однако и у слонов есть свои слабости. Они не выносят пороссячьего визга и боятся мышей. Стоит объявиться хоть одной серой мышке на стойбище, как слоны приходят в неистовство, беспорядочно носятся из стороны в сторону, круша и сметая все на пути и нанося друг другу увечья.

Но как всегда, после бури наступает затишье, и вновь мирно щиплют великаны траву или плещутся в реке.

Корова и удав

Стал на пастбище наведываться удав. Бесшумно ползя по траве, он подкрадывался к корове, неторопливо пощипывавшей траву. Извиваясь, крепко-накрепко треножил животное и принимался жадно сосать молоко.

Известно, что змеи охочи до молока и издали чуют его запах.

Насытившись до отвала, удав уползал восвояси, а перепуганная корова чуть не валилась с ног от усталости.

Бедный крестьянин никак не мог взять в толк, отчего у коровы пропало молоко в самую благодатную пору разнотравья. Корова виновато отводила свои печальные глаза и жалобно мычала, словно пыталась, рассказать хозяину о своих злоключениях.

Лесной жаворонок

В глухом лесу жил старый отшельник. Он любил тишину, уединение и водил дружбу с лесным жаворонком. Однажды к нему пришли два оруженосца из соседнего замка и попросили оказать помощь их заболевшему хозяину, которому несмотря на старания знаменитых лекарей с каждым часом становилось все хуже.

Сопровождаемый своим другом жаворонком старик тут же отправился в путь за оруженосцами, и вскоре его ввели в замок.

У изголовья больного собрались четыре лекаря. Они вели между собой неспешный разговор, то и дело озабоченно покачивая головами.

– Помочь уже ничем нельзя, – тихо произнес один из них, по виду самый важный.

А отшельник, остановившись у порога, не спускал глаз со своего пернатого друга. Жаворонок сделал несколько кругов под потолком, а затем, подлетев к высокому подоконнику, уселся и стал пристально смотреть на больного.

– Выздоровеет! – утвердительно сказал старик, наблюдая за птицей.

– Как смеет этот мужлан и невежда совать нос в чужие дела! – разом воскликнули возмущенные лекари.

А умирающий тем временем приоткрыл глаза и, увидев перед собой сидящую на подоконнике птицу, попытался улыбнуться.

Его щеки постепенно стали розоветь, силы возвращаться, и, ко всеобщему удивлению, хозяин замка промолвил слабым голосом:

– Я чувствую себя немного лучше.

Прошло несколько дней. Окончательно оправившись после тяжелого недуга, знатный рыцарь пожаловал к отшельнику в лес, желая отблагодарить своего исцелителя.

– Не меня благодари,– сказал ему старик.– Это птица тебя исцелила. Жаворонок очень чуток к любой хвори. Коли он смотрит в сторону, оказавшись около больного,– надежды на выздоровление мало, и тут уже трудно чем-либо помочь. Если же он глаз не сводит с больного, то тому наверняка удастся побороть болезнь. Своим добрым участливым взглядом пичужка приносит исцеление.

И в нашей жизни добро, как чуткий жаворонок, сторонится всего нездорового, уродливого и дурного, предпочитая жить бок о бок с честными, благородными помыслами и поступками. Подобно птицам, вьющим гнезда в тенистых лесах и на цветущих лугах, доброта всегда обитает в чутком, отзывчивом сердце.

Истинная любовь сказывается в несчастье. Как огонек, она тем ярче светит, чем темнее ночная мгла.

Верность

На крестьянском дворе долгие годы жили душа в душу две горлицы, самец и самка. Заботливый крестьянин смастерил для них из теса нарядный домик, где птицам было покойно в непогоду.

Это была счастливая пора. Самец неотступно следовал за своей подругой, делясь с ней последним зернышком и глотком воды.

По весне, когда разноголосая птичья братия начинала обзаводиться семьями и вить гнезда, к горлице не раз приставали с самыми лестными предложениями другие самцы. Но она отвергала ухажеров, сохраняя верность своему суженному. А тот вступал в жестокие схватки с наглыми соперниками, выходя из битвы с гордо поднятой головой, хотя ему нередко пребольно доставалось.

Но раны заживали, и верная пара продолжала нежно ворковать и радоваться каждому погожему дню.

Однажды утром горлица заметила, что с ее другом творится неладное. Перья на нем свалялись, взор потух, самец еле держался на ногах и не притронулся ни к питью, ни к пище.

– Ему, бедняге, худо! – горестно промолвила горлица и полетела в ближайший лес за нужными снадобьями.

Когда она вернулась, держа в клюве пучок целебных травок, их домик оказался пуст. Увидев, что самец скончался, крестьянин закопал его тут же во дворе под забором.

Горлица долго оплакивала невозполнимую утрату, дав обет не выходить более из дому и не притрагиваться к пище в знак траура.

Она сдержала клятву и вскоре тихо испустила дух, не выдержав одиночества.

Завещание орла

Старый орел давно потерял счет годам, живя в гордом одиночестве среди неприступных скал. Но силы ему стали изменять, и он почувствовал, что конец его близок.

Мощным призывным клекотом орел созвал своих сыновей, живших на склонах соседних гор. Когда все были в сборе, он оглядел каждого и молвил:

– Все вы вскормлены, возвращены мной и с малых лет приучены смело смотреть солнцу в глаза. Я уморил голодом тех ваших братьев, кои не переносили ослепительного сиянья. Вот отчего вы по праву летаете выше всех остальных птиц.

И горе тому, кто посмеет приблизиться к вашему гнезду! Все живое трепещет перед вами. Но будьте великодушны и не чините зла слабым и беззащитным. Не забывайте старую добрую истину: бояться себя заставишь, а уважать не принудишь.

Молодые орлы с почтением внимали речам родителя. – Дни мои сочтены, – продолжал тот. – Но в гнезде я не хочу умирать. Нет! В последний раз устремлюсь в заоблачную высь, куда смогут поднять меня крылья. Я полечу навстречу солнцу, чтобы в его лучах сжечь старые перья, и тотчас рухну в морскую пучину...

При этих словах воцарилась такая тишина, что даже горное эхо не осмелилось ее нарушить.

– Но знайте! – сказал отец сыновьям напоследок. – В этот самый миг должно свершиться чудо: из воды я вновь выйду молодым и сильным, чтобы прожить новую жизнь. И вас ждет та же участь. Таков наш орлиный жребий!

И вот, расправив крылья, старый орел поднялся в свой последний полет. Гордый и величавый, он сделал прощальный круг над скалой, где взрастил многочисленное потомство и прожил долгие годы.

Храня глубокое молчание, его сыновья наблюдали, как орел смело устремился навстречу солнцу.

Журавли

Жил-был на свете добрый король, но врагов у него было видимо-невидимо. Послушные и верные ему журавли очень беспокоились за его судьбу. Опасность подстерегала короля на каждом шагу ежедневно, особенно ночью, когда злые недруги могли беспрепятственно окружить дворец.

– Что же нам предпринять? – задумались журавли, собравшись на совет. – Ведь от солдат никакого прока. Вместо того чтобы справно нести службу и охранять короля, они спят по ночам беспробудным сном. А собаки за день так набегаются и намаются на охоте, что и на них нельзя положиться.

Остается только нам сторожить дворец, дабы наш добрый король мог спокойно почивать.

И вот журавли разделились на три стаи, поручив каждой сторожевой пост и установив строгий порядок смены караула.

Самая многочисленная журавлиная стая расположилась на лугу, что простирается вокруг дворца; другая заняла все входы и выходы, а остальные часовые разместились в самой королевской опочивальне, чтобы ни на минуту не спускать глаз со спящего повелителя.

– А что если кто-нибудь одолеет сон на посту?– спросил один молодой журавль.

– И против этой беды есть одно верное средство,– успокоил его вожак, умудренный жизненным опытом.– Пусть каждый из вас, стоя на посту, держит в лапе камень на весу. Если, не ровен час, кто-то и заснет, то камень тут же выпадет из лапы и своим шумом оповестит всех остальных.

С той поры журавли поочередно бодрствуют по ночам, стоя на одной ноге и меняясь через каждые два часа. И никто еще не выронил камень из лапы, сохраняя верность принятому уговору.

За благородство души и верность долгу недаром же зовут этих журавлей венценосными или королевскими.

Пеликан

Как только пеликан отправился на поиски корма, сидевшая в засаде гадюка тут же поползла, крадучись, к его гнезду.

Пушистые птенцы мирно спали, ни о чем не ведая. Змея подползла к ним вплотную. Глаза ее сверкнули зловещим блеском – и началась расправа.

Получив по смертельному укусу, безмятежно спавшие птенцы так и не проснулись.

Довольная содеянным злодейка уползла в укрытие, чтобы оттуда вдоволь насладиться горем птицы.

Вскоре вернулся с охоты пеликан. При виде зверской расправы, учиненной над птенцами, он разразился громкими рыданиями, и все обитатели леса притихли, потрясенные неслыханной жестокостью.

– Без вас нет мне теперь жизни! – причитал несчастный отец, смотря на мертвых детишек.– Пусть я умру вместе с вами!

И он начал клювом раздирать себе грудь у самого сердца. Горячая кровь ручьями хлынула из разверзшейся раны, окропляя бездыханных птенцов.

Теряя последние силы, умирающий пеликан бросил прощальный взгляд на гнездо с погибшими птенцами и вдруг от неожиданности вздрогнул.

О чудо! Его пролитая кровь и родительская любовь вернули дорогих птенцов к жизни, вырвав их из лап смерти. И тогда, счастливый, он испустил дух.

Лебедь

Склонив гибкую шею к зеркалу воды, лебедь долго всматривался в свое отражение. Он понял причину усталости и озноба, пронизывающего все тело, словно в зимние холода.

Теперь он доподлинно знал, что час его пробил и настала неотвратимая пора прощания с жизнью.

Его перья были так же прекрасны и белоснежны, как и в далекие годы юности. Ему удалось пронести в незапятнанной чистоте свое одеяние через все жизненные невзгоды и испытания, через зной и стужу.

И теперь он был готов спокойно и достойно закончить свои дни.

Изогнув красивую шею, он медленно и величаво подплыл к старой плакучей иве, под чьей сенью любил, бывало, пережидать летний зной.

Опустился вечер, и закат окрасил в пурпур спокойные воды озера.

В глубокой вечерней тишине, воцарившейся вокруг, послышалось лебединое пение. Никогда ранее лебедь не пел с такой проникновенной задушевностью и щемящей тоской. Он вдохновенно пел о своей любви к природе, небу, воде, земле...

– Лебедь поет, – прошептали зачарованные прощальной песней рыбы, птицы и все прочие обитатели полей, лесов и лугов. – Это песня умирающего лебедя.

Нежная грустная песня эхом разнеслась по округе и замерла с последними лучами солнца.

Феникс

Высоко пролетая над безбрежной пустыней, феникс заметил далекий огонь костра на биваке. Он понял, что час великого жизненного испытания настал и ему надлежит стойко подчиниться велению судьбы.

Феникс был значительно крупнее всех живущих на свете орлов, а по красоте и яркости оперения не шел с ними ни в какое сравнение.

Он величаво парил в ночном небе на распластанных крыльях, а затем широкими плавными кругами начал снижаться к земле.

Оказавшись над костром, он почувствовал, как языки пламени жадно лизнули его перья и обожгли лапы. Превозмогая боль и оставаясь верным долгу, феникс бесстрашно рухнул в огонь.

Костер зашипел, зацадил и начал угасать. Но вскоре из кучи золы стал пробиваться язычок голубого пламени, трепещущий на ветру и упрямо поднимающийся кверху, словно у него были крылья.

Это феникс возродился из пепла, чтобы вновь прожить пятьсот лет в небе.

Василиск

В далекие времена на севере Африки произрастали пышные леса, богатые зверем и птицей, а полноводные реки кишели рыбой.

Но однажды в тех краях объявилось страшное чудовище: полуптица-полузмея по прозванию Василиск. Над его безобразной головой возвышался колючий плавник, который горбом шел по спине и переходил в длинный хвост. У него были перепончатые крылья, как у летучих мышей.

Все животные, большие и малые, пришли в ужас от такого соседства, ибо даже взгляд чудовища источал яд.

Стоило Василиску взглянуть на слона или ястреба, как те падали замертво, пораженные ядовитым взглядом, от которого не было никакого спасения. Среди животных начался повальный мор.

Оставшиеся в живых звери и птицы решили бежать без оглядки из этих гиблых мест. Воспользовавшись ночной темнотой, они разом покинули родные норы и насиженные гнезда.

На следующее утро Василиск отправился, по обыкновению, на охоту. Но сколько он ни рыскал по лесам, никого там не обнаружил. Вне себя от ярости чудовище устремило свой губительный взор на деревья, и те тотчас высохли и погибли. Тогда Василиск гневно посмотрел на землю и камни, и вся трава сгорела, а камни искрошились в песок. Он бросил взгляд на реки, и те тут же обмелели.

Так когда-то цветущий край был превращен в бесплодную пустыню.

Саламандра

Как только загорелся крестьянский дом, все животные от мала до велика убежали со двора.

Перепуганные куры, гуси, голуби, индюки, кролики, овцы, свиньи, лошади, коровы вместе с дворовой собакой и кошкой наблюдали издали за пожаром.

Огненные языки пламени, раздуваемые ветром, жадно пожирали старые сухие бревна. Вот уже рухнула крыша и над пожарищем поднялся столб искр.

Вдруг из-за кустов выползла саламандра. Она постояла немного на своих коротких лапках, осмотрелась по сторонам и тут же юркнула в самое пекло.

От неожиданности все наблюдавшие за пожаром в ужасе вскрикнули и отпрянули назад.

– Не волнуйтесь! – успокоил их петух. – Огонь для саламандры – родная стихия, и она не чувствует никакой боли от ожогов. – Но ведь, бедняжка, сгорит! – испуганно запричитала гусыня.

– В огне она меняет кожу, – ответил петух. – И такое дано только ей. Пламя делает ее кожу прочнее и тоньше, и саламандра выходит из огня помолодевшей и обновленной.

Петух помолчал и, горестно вздохнув, добавил: – А из нас на огне получается жаркое.

Люмерпа

Среди пустынных гор Азии обитает чудо-птица. У нее нежный мелодичный голос, а ее полет преисполнен красоты и величия. Парит ли

птица в небе, или отдыхает на скале, она не отбрасывает тень, потому что ее пух и перья сверкают ярким светом, подобно солнечным лучам.

Даже после смерти она не исчезает бесследно, ибо ее плоть неподвластна тленью, а блестящее оперение продолжает излучать свет как и прежде.

Но если кто-либо попытается овладеть этим дивным сиянием, выдернув хотя бы одно перо птицы, свет моментально померкнет, а дерзкий смельчак тотчас ослепнет от черной зависти.

Имя этой редчайшей птицы – Люмерпа, что означает «светозарная». Она подобна подлинной славе, нетленно живущей в веках. Никто не в силах ее умалить или присвоить.

Сирена

Ветер утих, и паруса безжизненно обвисли на реях мачты. Все замерло. Даже серебристая лунная дорожка не дрогнет на водной глади.

Но вдруг ночное безмолвие нарушили таинственные звуки. Казалось, что это шепчутся волны, делясь впечатлениями о прошедшем дне.

Вскоре из морских глубин всё отчетливее стало доноситься чье-то сладостное пение. Голос был так нежен, а мелодия столь прекрасна, что трудно было не поддаться очарованию.

Убаюканные волшебными звуками моряки забылись крепким сном.

И тогда послышался легкий всплеск воды, и показалось странное существо с ликом и туловищем девы, но с чешуйчатым хвостом рыбы.

Это была сирена. Ее боялись больше, чем самой страшной бури в открытом море.

Подплыв к покачивавшемуся на волнах судну, морская красавица неслышно поднялась на борт. Сверкнув очами, она коснулась рукой каждого из моряков, и те, не проснувшись, расстались с жизнью.

Потеряв управление, корабль бесцельно бороздил моря, пока не разбился, натолкнувшись на прибрежные рифы, и не унес на дно тайну о содеянном сиреной.

Единорог

Удобно расположившись в тенистом саду, охотники предавались воспоминаниям о самых невероятных приключениях, которые порою случаются на охоте. Но вот разговор зашел о таинственном единороге.

– Это не зверь, а сущий призрак! – воскликнул один из охотников.

И действительно, в последнее время по всей округе только и разговору было что о маленькой лошадке с длинным рогом на лбу. Многие божились и клялись, что видели ее, но никому еще не удалось изловить диковинного зверя.

– А может быть, это злой дух, посланный из преисподней, чтобы следить за нами, грешными? – спросил один из охотников.

– Вряд ли. Единорог слишком красив и безобиден, чтобы быть злым, – возразил другой. – Но изловить его – дело мудреное, и тут нужна особая смекалка.

Чуть поодаль сидела за пяльцами миловидная девушка. Слушая эти речи, она улыбалась про себя. Кому-кому, а ей хорошо был известен нрав таинственного незнакомца, ибо она водила с ним дружбу, о чем никто не ведал в округе.

Дело в том, что сторонившийся всего дурного и злого маленький неуловимый единорог тянулся к добрым красивым девушкам.

Когда охотники разошлись и сад опустел, из-за кустов осторожно вышел единорог. Неслышно ступая по траве, он приблизился к своей подруге, улегся перед ней и, положив морду ей на колени, уставился на девушку преданными глазами. Его взгляд был полон нежности и восхищения.

Единорог давно привязался к этой трудолюбивой девушке и привык коротать с ней время в тишине, любуясь ловкими движениями ее рук за работой. И его подруга ценила эту привязанность, дорожила дружбой с единорогом и свято хранила свою девичью тайну.

Да разве тайну долго убережешь, коли мирская молва, что морская волна, все выплескивает наружу.

Выследив, как единорог тайком навещает свою подругу, охотники устроили засаду и изловили поклонника девичьей красоты.

Змеиная смекалка

Почуяв опасность, утки дружно вспорхнули над озером.

С высоты хорошо было видно, что весь берег кишел длиннохвостыми гадами с колючим чешуйчатым гребнем на голове и крепкими когтистыми лапами. В отличие от обыкновенных драконов они были лишены перепончатых крыльев. Но зато отличались неимоверной злобой и коварством. Такая тварь на что ни глянет – все вокруг вянет, куда ни ступит – трава не растет.

Голод пригнал этих гадов на берег озера, где среди камышовых зарослей в изобилии водится всякая живность. Раздосадованные, что добыча ускользнула из-под носа, твари решили переправиться на другой берег.

На все они были горазды, а вот плаванию не научены. Как же быть? Тогда кому-то из них пришла в голову хитрая мысль: обвитья крепко-накрепко длинными хвостами, образовав некое подобие плота.

Сказано – сделано. И вот вопящие чудища поплыли, дружно гребя лапами и высоко задрав кверху головы. Казалось, что сам сатана связал их веревкой.

Пролетая над плывущими гадами, вожак утиног косяка крикнул:

– Смотрите! Вот чего можно добиться благодаря сплоченности и смекалке.

Объединившись, зло способно на всякие ухищрения, дабы выжить и творить свое черное дело. Не мешало бы и добру поступать столь же находчиво и смело.

Аспид и мангуст

Против укуса аспида нет иного средства, как тотчас же вырезать с мясом пораженное место. Вот отчего все живое сторонится этого опасного гада и, завидев его, бежит без оглядки.

У пучеглазого аспида огромные уши, точно паруса над головой. Он не столько доверяет зрению, сколько острому слуху, а благодаря нюху способен учуять добычу на больших расстояниях.

Кровожадность аспидов не знает предела. В порыве гнева самка жестоко расправляется с самцом. Но вскоре и ее ждет подобная участь. Торопясь поскорее увидеть белый свет, ее чада перегрызают материнское чрево и выползают наружу, тут же набрасываясь на все живое, а иногда и пожирая друг друга.

Но и у аспидов есть грозный противник. Это мангуст – крупная мышь, которая водится в камышовых зарослях на берегах Нила.

Почувяв аспида, мангуст бежит к реке и начинает валяться в прибрежной грязи, а затем сушится под палящими лучами солнца. Так он поступает неоднократно, пока его шкурка не затвердеет, словно панцирь из обожженной глины.

Теперь зверьку не страшны никакие укусы ядовитого хищника.

Улучив момент, зверек смело прыгает в раскрытую пасть аспида и успевает перегрызть ему глотку.

Чужестранец

В одном захолустном тосканском городишке объявился как-то заезжий чужестранец. Дабы придать больший вес своей персоне и привлечь внимание, он принялся рассказывать были и небылицы про свой родной город. Каких там только чудес не было! И уж, конечно, он не шел ни в какое сравнение со здешней серостью и глухоманью.

Вокруг словоохотливого гостя собралась небольшая толпа. Вскоре к собравшимся подошел всеми почитаемый в округе умный горожанин.

Послушав немного заезжего рассказчика, он вежливо прервал его и сказал:

– Коль ты и впрямь родился в тех далеких местах, – значит, все, о чем ты нам поведал, суцкая правда и спорить тут грешно.

Чужестранец, весьма польщенный такими словами, картинно подбоченился и обвел слушателей горделивым взглядом: знай, мол, наших!

А рассудительный горожанин продолжал: – Что твой город, любезнейший, полон диковинных чудес, мы в этом сами воочию убедились. Ведь в здешних краях нам еще ни разу не приходилось лицезреть такого уроды, как ты.

Огорчение

Отправившись погожим деньком людей посмотреть и себя показать, один синьор повстречал на улице своего давнего знакомого. Обрадовавшись

случайной встрече и желая отвести душу, он принялся с жаром допытывать приятеля: – Ба, да тебя просто не узнать! На тебе лица нет и глаза совсем потускнели. Уж не стряслось ли беды какой? – Увы,– грустно отвечал тот. Отводя глаза в сторону,– со мной такое случается, когда...

– Да как же ты можешь об этом спокойно говорить? Нужно немедленно обратиться к нашему знаменитому лекарю. Любую хворь важно вовремя предупредить,– и словоохотливый синьор еще долго распинался о болезнях, не давая раскрыть рта своему знакомому.– А скажи-ка, любезнейший Друг, давно ли ты замечаешь за собой такие странные перемены в настроении?

– Всякий раз, как я вижу твою самодовольную физиономию. От великого огорчения при встрече с тобой мне становится немил весь белый свет.

Лежебока и солнце

Вставай же наконец, соня! – в сердцах сказал крестьянин сыну.– Солнце уже давно вошло. Не стыдно ли тебе так долго валяться в постели? Эх ты, лежебока!

– Почто ты коришь и попрекаешь меня солнцем?– недоумевал парень, сладко позевывая.– У светила забот поболее, да и путь за день подлиннее. Вот оно и торопится встать спозаранку. Мой же путь вокруг дома невелик, а потому не беда, если я вздремну лишний часок.

Устав обязывает

Известно, что в определенное время года монахам надлежит строго блюсти пост. В такие дни монастырский устав запрещает им употреблять мясо и любую другую жирную пищу. Правда, когда монахи находятся в пути или промышляют милостыней, то в порядке исключения им не возбраняется питаться всем, что судьба ниспошлет.

Находясь как-то в пути по своим монастырским делам, два монаха запрели передохнуть и закусить с дороги на постоялый двор, где случай их свел с проезжим купцом.

Хозяин постоялого двора был так беден, что ничего не мог предложить гостям, кроме жалкой худосочной курицы величиной не более голубя.

Когда курица была готова, хозяин снял ее с вертела и подал на стол целиком, надеясь, что сотрапезники сами поделят ее поровну между собой.

Взглянув на жареного куренка и тут же смекнув, что его едва хватит на одного едока, хитрый купчишка сказал, обращаясь к монахам:

– Сдается мне, святая братия, что ныне самый разгар великого поста. Не так ли? Не хочу, чтоб из-за меня вы нарушали закон. Так уж и быть, возьму на себя грех и избавлю вас от куренка.

Монахам ничего другого не осталось, как согласиться с пройдохой. Они не стали вдаваться в тонкости и объяснять купцу, что для странствующих монахов возможны некоторые поблажки.

Купчина уплел с превеликим удовольствием целую курицу и обглодал все косточки, а его двум сотрапезникам пришлось довольствоваться ломтем хлеба и куском сыра.

После трапезы все трое отправились в путь. Монахи шли пешком по бедности, а купец из-за своей скупости. Отмахали они немало, пока не оказались перед широкой рекой, преградившей им путь.

По обычаю былых времен самый рослый и молодой из монахов, который был бос, взвалил себе на спину толстого купца и понес его вброд через реку.

Но дойдя до середины брода, монах вдруг вспомнил о строгих предписаниях монастырского устава и остановился в недоумении. Сгибаясь под тяжестью ноши, он поднял кверху голову и спросил у купца, удобно сидевшего на закорках с башмаками и дорожным мешком в руках:

– Скажи-ка, любезный! Уж нет ли при тебе денег?

– Что за глупый вопрос! – удивился тот. – Пора бы тебе, братец, знать, что ни один уважающий себя купец никогда не отправится в дальний путь без денег.

– Очень сожалею! – сказал монах. – Но наш устав запрещает нам носить при себе деньги.

И с этими словами он сбросил купца в воду. Вымокнув до нитки, весь красный от стыда и досады, плутоватый купец был вынужден согласиться, что досталось ему поделом от монахов за давешнюю уловку с курицей.

Богач и бедняк

Жил-был бедный ремесленник. Поработав в мастерской, он, случалось, навещал богатого синьора, жившего неподалеку.

Ремесленник стучал в дверь, осторожно входил и, оказавшись в богатых покоях перед знатным господином, снимал шляпу и отвешивал почтительный поклон.

– Что тебе, братец, от меня надобно? – спросил его однажды хозяин дома. – Вижу, как ты то и дело приходишь меня навестить, отвешиваешь поклон, а затем молча уходишь ни с чем. Коли ты нуждаешься в чем-нибудь, то сделай милость, проси, не стесняйся!

– Благодарю вас, ваша светлость, – с почтением ответил ремесленник. – Я прихожу к вам, чтобы отвести душу и посмотреть, как живет богатый человек. Такую роскошь можем себе позволить только мы, простолюдины. К сожалению, вы, знатные синьоры, лишены этой благодати и вам негде отвести душу, ибо вокруг вас обитают одни только бедняки, вроде меня.

Мельник и осел

Как-то в кругу друзей один знатный синьор, прославившийся книголюбием и занимательным рассказчиком, принялся с жаром доказывать, что ему, мол, не раз приходилось ранее жить в этом мире. Дабы придать больший вес своим словам, он даже сослался на известное высказывание древнего мудреца и ученого Пифагора.

Но один из друзей то и дело подтрунивал над рассказчиком, вставляя язвительные замечания, и мешал закончить повествование.

Вконец рассердившись, почитатель древней философии решил урезонить насмешника и заявил:

– В доказательство моей правоты припоминаю, что в ту далекую пору ты, невежа, был простым мельником.

Эти слова явно задели приятеля за живое, но он был не из тех, кого надобно тянуть за язык.

– Да кто же с тобой спорит? Ты, как всегда, совершенно прав,– ответил он.– Мне ли не помнить, что в те времена именно ты, дружище, был тем самым ослом, что возил мешки с зерном на мою мельницу.

Сто за одно

В субботний день священник отправился благословлять своих прихожан и собирать пожертвования на строительство храма. Под вечер забрел он в дом к местному художнику.

Поднявшись к нему в мастерскую, священник принялся с таким усердием размахивать кропилом со святой водой, что замочил листы с рисунками для предстоящих фресковых росписей.

Видя, что работа испорчена, художник не на шутку рассердился. Дабы замаять свою оплошность, священник принялся его успокаивать:

– Не гневись, сын мой, таков обычай! И я поступаю так, как повелевает мне долг, ибо знаю, что тем самым творю доброе дело. Всяк, поступающий праведно, должен с надеждой уповать на слова всевышнего: «За каждое доброе деяние на земле да вознаградит нас небо сторицей!» Сто за одно! Запомни эти слова и не серчай.

Художник подождал, пока словоохотливый проповедник выйдет из мастерской, а затем подбежал к окну.

Видя, что священник выходит на улицу, он вылил ему на голову целое ведро воды.

– Принимай, святой отец!– прокричал художник из окна.– Вот тебе вознаграждение сторицей с неба за испорченные рисунки! Сто за одно!

Содержание

А. Махов

ЛЕОНАРДО – СКАЗОЧНИК...2

Сказки, легенды, притчи...11

Бумага и чернила...11

Кремень и огниво...11

Язык и зубы...12

Бритва...12

Пламя...13

Луна и устрица...14

Паук в замочной скважине...14

Летучая мышь и ласточка...31

Осел на льду...32

Сокол и щеглята...32

Филины и заяц...33

Великодушие...33

Верблюд и хозяин...34

Лев и ягненок...34

Львица...48

Страшный зверь...35

Вода...14
 Крот...15
 Гусеница...15
 Справедливость...16
 Мотылек и пламя...16
 Лилия...17
 Орех и колокольня...17
 Огонь и котелок...18
 Украденное яйцо...19
 Тополь...19
 Муравей и пшеничное зерно...19
 Пчела и трутни...20
 Кедр...21
 Щегол...21
 Вьюн и ящерица...22
 Камень и дорога...22
 Орешник...23
 Ручей...24
 Персиковое дерево...24
 Блоха и овечья шкура...24
 Паук и стриж...25
 Инжир и вяз...25
 Сыновья благодарность...26
 Сердечная теплота...27
 Лев...27
 Лоза и крестьянин...28
 Горностай...28
 Паук и виноград...29
 Черемуха и дрозды...29
 Устрица и мыш... 30
 Невод...30

Укус тарантула...35
 Сокол и утка...36
 Обезьянка и птенец...36
 Медвежонок и пчелы...37
 Лев и петух...37
 Ссора...38
 Плененная сова...38
 Жаждающий осел...39
 Змеиные козни...39
 Пантера...40
 Слоны...40
 Корова и удав...41
 Лесной жаворонок...41
 Верность...42
 Завещание орла...43
 Журавли...43
 Пеликан...44
 Лебедь...45
 Феникс...45
 Василиск...45
 Саламандра...46
 Люмерпа...46
 Сирена...47
 Единорог...47
 Змеиная смекалка...48
 Аспид и мангуст... 49
 Чужестранец...49
 Огорчение... 49
 Лежебока и солнце...50
 Устав обязывает...50
 Богач и бедняк... 51
 Мельник и осел... 51
 Сто за одно...52